

Эдуард
ТОПОЛЬ

NORD-OST

Роман
о любви и терроре

Эдуард Тополь

**Роман о любви и терроре,
или Двое в «Норд-Осте»**

«Эдуард Тополь»

Тополь Э. В.

Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте» /
Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,

ISBN 978-5-17-071675-3

Истории любви в роковые часы «Норд-Оста». Тайная любовь Мовсара Бараева. Жених из Оклахомы – свадьба или смерть? Страсти под пистолетом и другие откровения и исповеди.

ISBN 978-5-17-071675-3

© Тополь Э. В.
© Эдуард Тополь

Содержание

Вместо пролога	5
Так это было...	7
Часть первая	9
Часть вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдуард Тополь

Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте»

Посвящается памяти погибших в «Норд-Осте»

23—26 октября 2002 года.

Царствие Небесное их душам, мир – праху...

Вместо пролога

От: vera565@aha.ru

Кому: www.nordostjustice.org

Дата: 27 ноября 2002 г.

Мне искренне жаль всех заложников. Честное слово, я переживала за всех, плакала. Но еще больше мне жаль моего любимого, который был командиром террористов. Извините, но это так.

Его тоже убили, как и ваших родственников. Но вам все же легче. Знаете почему? Потому что вы можете хотя бы похоронить своих близких. А мы – нет.

Когда смотрела в новостях репортаж о похоронах детей, погибших в «Норд-Осте», навзрыд плакала. Жаль было, очень. И женщину, которая искала сына, а потом нашла его в списках погибших...

Да, никто не спорит, вам плохо. Но и нам плохо. У нас с вами одна беда – и у нас, и у вас одни и те же люди убили любимых и близких людей.

Конечно, вам не до меня сейчас и не до моих проблем. Но почему тогда нам должно быть до ваших проблем? Ведь вам помогают, поддерживают, а нам? Нам даже тела не дают похоронить. Хотя нам от вас ничего, кроме тел наших погибших, и не нужно. Ну какое вам дело до того, попадут они в рай или нет? Заложников ведь не вернешь...

Вы называете себя христианами, но издеваетесь над мертвыми врагами, которые не могут вам ничего сделать. Да, это по-русски. Эх, мы, россияне... Все у нас через задницу... Даже штурм...

vera

От: sv@mail.ru

Кому: vera565@aha.ru

Дата: 8 января 2003 г.

Здравствуйте, Вера!

Я из тех, кто оказался в числе заложников «Норд-Оста» – вместе с чеченцами, заложниками этой войны. Моя семья погибла, но я не виню в этом тех, кто пришел в тот зал. Я понимаю, что эти люди могли бы жить совсем по-другому, если бы не было войны. И мне их искренне жаль.

Растет второе поколение людей, не знающих мира и наполненных ненавистью к русским. Это неправильно. Люди рождаются, чтобы жить, а не убивать друг друга. Я не думаю, что мои слова облегчат ваше горе, потому что это невозможно. Терять близких людей всем очень тяжело и больно.

Светлана.

От: vera565@aha.ru

Кому: Светлана sv@mail.ru

Дата: 9 января 2003 г., 23.05

Здравствуйтесь, Светлана...

Не знаю, что вам сказать. Мне жаль всех – и вашу семью, и моего любимого человека.

И вряд ли вы не вините террористов. Как вряд ли я не виню спецназ и правительство России.

Можно было решить вопрос мирно. Всех бы отпустили. В последний раз я с ним говорила по телефону где-то в 11 вечера. Просила не убивать никого, плакала, а он стал на меня кричать, мол, тебе не понять, что такое джихад и Аллах. И что он вообще не знает, зачем со мной связался. Потом сказал: «Успокойся, мы будем умирать в бою. Все, кто умрет, умрут от рук спецслужб и иштурмовиков, наша совесть будет чиста». Сказал, что взрывать они ничего не будут. Так-то...

А вы были там... Ну скажите, неужели с вами обращались так, как рассказывают в новостях? Я не верю в это. Он был не таким. Он не мог так обращаться с людьми. Это я знаю точно. И ни одному слову из новостей ни на миг не поверила. Насиловали заложниц? Пили коньяк? Бред...

Конечно, они принимали стимуляторы, ведь невозможно трое суток подряд не спать. Хотя они спали иногда по два часа... Ладно, что теперь об этом говорить... Как можно сильнее запятнать честь других – это по-русски. Сами оказались в ж... и не нашли другого способа, как свалить все на чеченцев...

Мне плохо, до сих пор плохо. Я не могу его забыть. И не забуду никогда. Накрывается сессия. У меня нет сил сдавать экзамены. Работа. Я никуда не хожу. Я сижу дома и читаю Коран. Хочу понять, из-за чего все же он умер. Думаю, где-то там, в глубине этой книги, есть какой-то тайный смысл. Иначе сотни людей не умирали бы во имя Аллаха и джихада. Джихад... священная война... война во имя Аллаха – какой в ней смысл? Может, когда-нибудь я смогу это понять...

А вам, Света, всего доброго, не падайте духом. Ваши погибшие близкие – христиане? Тогда читайте Библию. В ней, наверное, вы сможете найти то, ради чего я читаю Коран.

И напишите, пожалуйста, как это было на самом деле и какой он был в ту ночь перед иштурмом... Как себя вел?.. Что говорил?.. Какого вы о нем впечатления... О Мовсаре... Пожалуйста, мне это очень важно...

Спасибо вам. До свидания.

От: Эдуарда Тополя

Кому: vera565@aha.ru

Здравствуйтесь, Вера.

Вы просите Светлану Губареву рассказать вам, как это было, и о Мовсаре – как он вел себя в «Норд-Осте», что говорил...

Но Светлана, с которой я познакомился вскоре после трагедии на Дубровке, вряд ли может быть объективной, ведь она и ее близкие были заложниками вашего Мовсара. И потому я – вместо нее – расскажу вам, как это было. Только поверьте: эта книга – не пиар, не чей-то заказ и не коммерческий проект. В ней нет художественного вымысла, и все документы и свидетельства участников событий такие же подлинные, как ваши письма. Я занимался этой книгой восемь месяцев – то есть столько же, сколько и любимым своим романом, но нарочно ушел от беллетристики, потому что, на мой взгляд, **сейчас** сочинять про это роман просто неприлично.

К тому же никакой, как мне кажется, беллетрист не сумеет сочинить лучше, сильнее и драматичнее, чем госпожа Жизнь...

Так это было...

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ РОМАНА

ЗАЛОЖНИКИ:

СЭНДИ БУКЕР, Оклахома, США, и СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА, инженер из Караганды, – партер

НАТАЛЬЯ Н., экономист, и ее сослуживец ГЕОРГИЙ (ГОША) – балкон

ВИТАЛИЙ ПАРАМЗИН, 20 лет, и АНЯ КОЛЕЦКОВА, 19 лет, студенты, – балкон

РЕНАТА БОЯРЧИК, 22 года, стриптизерша ночного клуба, и ее друг Алексей, бывший пограничник, – партер

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА, 19 лет, чертежница, Подлипки Московской обл., и ВИКТОР, 24 года, студент, – партер

АЛЕКСАНДР СТАЛЬ, 21 год, студент, и Аня, школьница, – балкон

ТАТЬЯНА ГУРЕВИЧ-СОЛНЫШКИНА и ее муж ИГОРЬ, музыканты «Норд-Оста», – партер

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВ, один из авторов и продюсеров «Норд-Оста», – партер

ЗИНАИДА ОКУНЬ, менеджер телекоммуникационной компании, – партер

ПАВЕЛ КОВАЛЕВ, 24 года, корреспондент газеты «Моряк Украины», – балкон

ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СТАРОДУБЕЦ и ее дочь КАТЯ – балкон

ГАЛИНА ДЕЛЯТИЦКАЯ, балетмейстер «Норд-Оста», – балкон

СЕРГЕЙ ЛОБАНКОВ, режиссер по пластике, руководитель детской труппы «Норд-Оста», – балкон

МАРАТ АБДРАХИМОВ, артист «Норд-Оста», – партер

ИЛЬЯ ЛЫСАК, 24 года, бас-гитарист «Норд-Оста», – партер

НИКОЛАЙ ЛЮБИМОВ, 71 год, сторож ДК на Дубровке, – партер

ОЛЬГА ЧЕРНЯК, журналистка Интерфакса, – партер

ТЕРРОРИСТЫ:

МОВСАР БАРАЕВ, 23 года, командир

ЯСИР, он же АБУ БАКАР, правая рука Бараева

АСЛАН

СВЕТА и др.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ:

Путин Владимир Владимирович, Президент РФ

Лужков Юрий Михайлович, мэр Москвы

Сергей Цой, пресс-секретарь мэра Москвы

Асламбек Аслаханов, генерал, депутат Думы

Александр Цекало, один из продюсеров «Норд-Оста»

Сергей Ястржембский, пресс-секретарь Президента РФ

Леонид Рошаль, доктор

Иосиф Кобзон, народный артист СССР

Патрушев Н.П., директор ФСБ

Проничев В.Е., первый заместитель директора ФСБ

Тихонов В.В., начальник Центра подготовки спецопераций ФСБ

Часть первая ЗАХВАТ

Джихад (арабск. старание, усилие, рвение) – борьба за веру, отдача всех сил ради распространения и торжества ислама; одна из основных обязанностей мусульманской общины.

Из энциклопедических словарей

ИТАР – ТАСС, АПН, газеты «ИЗВЕСТИЯ», «МК», «АиФ», «ТРУД», «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА», «МОРЯК УКРАИНЫ» и др.

23 октября 2002 года президент собирался в Мексику на очередной саммит.

В Москве было пасмурно и промозгло – типичная московская поздняя осень, полудожь-полуснег, весь день мокрая пороша ложилась на землю, чавкая под ногами и брызгая мокрой жижей из-под колес бесчисленных автомобилей.

Из-за этой погоды жизнь на улицах к вечеру замирает, перемещаясь в концертные залы, кафе, кинотеатры, боулинги и рестораны. Иными словами, согласно непреложным законам физики, энергия самой активной части москвичей и гостей столицы не исчезает и не остывает с наступлением зимы, не прячется в домашние халаты, тапочки и вязанье у печи, а на манер западных столиц переливается в ежевечерний хохот закрытых эстрадных площадок, оглушающий бит дискотек, неистовство постельной страсти на киноэкранах (и не только на них), азартную игру в казино и безгрешное па-де-де балерин на сцене Большого театра.

Около 21 часа к зданию Театрального центра на улице Мельникова, 7, где в этот момент шел музыкальный спектакль «Норд-Ост», подъехали три автомобиля: джип «Шевроле» и микроавтобусы «Форд» и «Газель» с номерными знаками, полученными в Дагестане. Из них вышли люди в камуфляже, у некоторых в руках было оружие...

С собой они тащили мешки с чем-то тяжелым – как позже выяснится, взрывчатку и канистры с бензином. Войдя в зал, один из них тут же начал палить в воздух...

Медсестра Госпиталя № 1 для ветеранов войны, проживающая в доме напротив Дворца культуры, рассказывает: «Раздался взрыв, ну, думаю, банки с огурцами рванули. Я – на кухню, за окном стрельба. Вижу, как к Дворцу культуры бегут люди. И стреляют, и стреляют...»

Другой свидетель: «Я привез на мюзикл жену и 11-летнюю дочь своего друга. И сидел в машине, когда все это началось. Сразу после взрыва какой-то шум возник. Я обернулся на эту возню. И увидел, как из микроавтобуса выскочили двое в камуфляже и с автоматами в руках. Они побежали к главному входу в ДК. Я тут же вышел из машины. И в этот момент один из нападавших увидел меня. Уже на пороге здания он дал очередь из автомата вверх, в козырек над входом. После того как эти двое, видимо, последние из террористов, забежали внутрь, оттуда раздалась непрерывная стрельба. Было такое впечатление, что в ДК идет настоящий бой...»

Медсестра (продолжая): «...Через минуту подъехала милицейская «Волга», расцвеченная огоньками, как новогодняя елка. Еще через секунду, потушив огоньки, она умчалась...»

В ЗАЛЕ «НОРД-ОСТА»

ЗИНАИДА ОКУНЬ¹, менеджер телекоммуникационной компании (первый ряд партера)

Я сидела в самом первом ряду, смотрела на сцену. А там плясовая – танец легчиков. И вдруг мимо меня прямо на сцену пробегает какой-то человек, очень вонючий. Я даже помор-

¹ Здесь и далее фамилии и имена главных героев романа написаны прописными буквами, а эпизодических – строчными.

шила и говорю Алле Петровне, своей подруге по работе: «Фу!» – так брезгливо. А он уже на сцене, но почему-то падает. И я вижу, что он в маске и какой-то не такой, как другие артисты. Они все в летной форме чкаловских времен, а он какой-то не такой и вообще не вписывается. Но тут очередь автоматная. «Ничего себе пляски с очередью!» – подумала я. И вдруг он говорит: «Вы заложники!...»

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА, 19 лет, чертежница из Подлипков Московской обл. (партер):

Билет на «Норд-Ост» мне дала подруга. Она пойти не смогла – заболела. Я так счастлива была! Первый раз на мюзикл! Даже советовалась с подружками, что бы такое надеть. Еще девчонки на работе шутили: «Ну, Настя, без жениха не возвращайся!»

Во втором отделении я пересела с последнего ряда поближе, на свободное место. Рядом со мной сидел молодой человек. Эффектный такой! Я еще подумала, как бы привлечь его внимание...

Когда в зал ворвались люди в масках и камуфляже, он мне сказал: «Как натурально все придумали!» На сцене шел танец летчиков, и вдруг один из тех, кто ворвался, бежит на сцену, стреляет там, потом возник шум в проходах, в правом и левом – какие-то люди там пошли. Но в зале было темно, и все решили, что это по действию так положено. И только когда включили свет и мы увидели людей с оружием, в камуфляже, и еще служащих из фойе, которые там в киосках торговали, – когда уже этих женщин с заплаканными лицами погнали по проходам в зал садиться, вот тут мы поняли, что происходит что-то серьезное...

СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА, инженер из Караганды (партер):

Раздалась автоматная очередь – на сцене один из чеченцев выстрелил в воздух. Я обратила внимание, что по правому проходу идут люди в черном. Сначала мужчины, а за ними, как грибы, вырастают женщины. И с какой-то периодичностью останавливаются возле рядов. Я с 13-летней дочкой Сашей и моим американским женихом Сэнди сидели в правой стороне, в 17-м ряду. Посмотрела налево, вижу – и в левом проходе стоят женщины в черном. В каждой стороне зала я их насчитала по 9 человек. То есть они довольно часто стояли, по одной на два-три ряда.

Тут Мовсар объявил, что это захват, что они хотят остановить войну в Чечне, что те, у кого есть мобильные телефоны, пусть звонят всем родным и в прессу, извещают о том, что здесь происходит...

Помощник режиссера «Норд-Оста» (за сценой):

Я стоял за кулисами, а на сцене восемь артистов, одетых в военно-летную форму образца 1940-х годов – в шлемах, сапогах и с ромбиками в петлицах, били чечетку и пели песню о летчиках: «Крыло мое, а подо мной – моя страна, мое жнивье...» Затем должен был выйти Чкалов. И в этот момент в левом проходе зрительного зала появились мужчина и женщина. Он – в современном армейском камуфляже, в маске с прорезями для глаз, с короткоствольным «АК» наперевес. Она – в черных джинсах, черной кожаной куртке и с пистолетом. Они шли по проходу прямо на сцену. Поскольку я, как помреж, отвечаю за порядок на спектакле, первое желание, естественно, было рвануть навстречу – выяснить, что за херня, кто их пустил. Потом думаю: «А может, это новая задумка режиссера? Ну, типа, переключаются Отечественная война и современность – на сцене летчики, из зала идут спецназовцы...» Тут этот мужик взошел на сцену и дал длинную очередь в потолок. На пол посыпались штукатурка, осколки стекла, кто-то закричал...

ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СТАРОДУБЕЦ (балкон):

Когда на сцене этот человек дал очередь из автомата в потолок и крикнул: «Вы все заложники, спектакль прекращается!» – музыка стихла. И в полной тишине только вертелись пропеллеры самолетов.

Но тут открылся занавес, в белом мундире вышел ничего не подозревающий актер, играющий Чкалова. И при всем народе получил пинок... «Все артисты – вниз!» Но испуга в зале не было, одно недоумение – мы еще были под действием спектакля...

В этот момент к нам в бельэтаж вбежали вооруженные люди с криками: «Руки за голову! Это захват!» И начали стрелять в воздух, в потолок. «Кто не выполнит команду – расстрел на месте!» «У кого найдем мобильный телефон – убьем!» Как фашисты. И все время: «Расстрел! Расстрел! Расстрел...» – словно в дурном сне.

А нам все не верилось, что это по правде. Один мужчина засмеялся, но его ударили прикладом по голове. Какой-то мальчик спросил: «Вы настоящие?» Они сказали: «Мы приехали сюда из Чечни, чтобы остановить войну». Многие в недоумении крутили во все стороны головой, вытягивали шею. Но таких били прикладами по голове. Во всю силу. Кровища... И никто из битых не закричал. Потом захватчики приказали выкинуть в проходы сумки. Я даже не пыталась вытащить из своей сумки деньги – какое там! Шок... И в сумочке остались три тысячи рублей и документы. Но все казалось, что вот-вот это кончится, что это недоразумение... А они приказали: «Если есть грузины, мусульмане, иностранцы, пусть выходят, отпустим... Мужчинам сесть в правой части балкона, женщинам в левой!»

Потом боевики рассредоточились вдоль проходов. Но только когда чеченки открыли свои куртки и я увидела взрывчатку, то поняла: все серьезно.

Помощник режиссера «Норд-Оста» (за сценой, продолжение):

Монтировщики схватили меня и оттащили в свою комнату за сценой. Мы закрылись – начальники костюмерного и монтировочного цехов, три монтировщика и я. По мониторам мы видели, что бандиты стали баррикадировать двери со сцены в кулисы и зачем-то всех положили на пол. Иногда они отпускали мерзкие шуточки типа: «Да вы не стесняйтесь, садитесь, вот вам бесплатный билетик»...

ТАТЬЯНА ГУРЕВИЧ-СОЛНЫШКИНА, концертмейстер «Норд-Оста» (в оркестровой яме):

Когда на сцене стали стрелять, мы, весь оркестр, тридцать человек, побежали в подвал, в оркестровую комнату. Сразу погасили свет, мобильные телефоны переключили на «вибро» и стали искать, как отсюда выйти. Попытались вылезти через окно, но оказалось, что наверху оно перекрыто решеткой, да еще с огромным амбарным замком. Тут по внутренней связи услышали их голоса – что они чеченцы, из Грозного, что это захват. Игорь, мой муж, позвонил своему отцу, сказал: «Мы в заложниках». Я говорю: «Игорь, только умоляю, не звони маме!» Первые три минуты тряслись колени, просто жутко стало. Я говорю: «Игорь, ну за что нам такое? Нам даже тридцати нет! А мы сейчас погибнем!..» Взялись за руки, держались и ждали неизвестно чего...

ВИТАЛИЙ ПАРАМЗИН, 20 лет, и АНЯ КОЛЕЦКОВА, 19 лет, студенты (балкон):

Чеченцы приказали убрать руки за голову, все это выполнили. У нас на балконе тоже. Они ворвались на балкон с двух сторон – не очень много, четверо, наверное, и женщины. Они ругались, кричали, ударили несколько человек прикладами по голове. Одна женщина потом все время сидела с окровавленной головой... «Да, конечно, мы настоящие, – сказал, отвечая кому-то, один из них, пробираясь по рядам. – Вы знаете, что у нас в Чечне творится?» Тут на сцену вышел Мовсар Бараев: «Вы все – заложники. Руки за голову!!!» И всем стало ясно: чеченская война пришла в центр Москвы.

РЕНАТА БОЯРЧИК, 22 года, стриптизерша ночного клуба (партер):

Мы с моим другом сидели в партере. Когда мужчина с автоматом выстрелил в потолок и сказал, что мы захвачены в заложники, я, честно говоря, не поверила. Я засмеялась и подумала, что это режиссерский ход, но слегка жестковатый. И хотя даже мой друг, бывший пограничник, сказал, что автомат стреляет по-настоящему, я еще какое-то время все равно думала, что это розыгрыш. И поняла, что все серьезно, только после того, как всех артистов и работников театра со сцены согнали в зал. Они сидели за нами в 13-м и 14-м рядах...

ГАЛИНА ДЕЛЯТИЦКАЯ, балетмейстер «Норд-Оста»:

В зале включили свет. И Мовсар нам объявил, что они не хотят нас убивать, просто у них миссия такая: чтобы наши войска вышли из Чечни.

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВ, один из авторов и продюсеров «Норд-Оста»:

Мы с Алексеем Иващенко, моим соавтором, работали в студии звукозаписи на третьем этаже, когда прибежал наш менеджер сцены и сообщил, что в зале стреляют. И первая реакция – броситься туда: как так в зале стреляют?! Сбежал на первый этаж, а там наш пожарник кричал на непонятных людей в черном: «Бросьте нас пугать, я же вижу, что это пиропатроны, я по запаху чувствую!» Но когда ударили первые пули, мы поняли, что это не шутки. И тогда я бросился в зал. Там в это время все уже сидели смирно, потому что зрители были окружены цепью людей в черном. В основном это были женщины с пистолетами и гранатами в руках, к поясам были прикреплены взрывпакеты...

АЛЕКСАНДР СТАЛЬ, 21 год, студент (балкон):

Через десять – пятнадцать минут после захвата боевики несколько раз дружно прокричали «Аллах акбар!». Потом их командир, стоя на сцене, огласил их требования – вывод войск из Чечни. Он сказал, что до тех пор, пока не будет штурм, нам ничего не угрожает, но если штурм начнется, то они взорвут весь театр. За каждого убитого боевика они пригрозили убивать десять заложников. Кто-то из зала выкрикнул, что вывод войск – дело долгое, на что одна из шахидок ответила, что они не торопятся и готовы просидеть в зале сколько угодно. Аня, с которой я был на спектакле, усмехнулась. Она еще школьница, 10-й класс, миниатюрного размера и на вид совсем ребенок, но постоянно умудряется найти себе приключения – то от маньяков убегает, то заблудится, то ее током ударит. Мы познакомились буквально накануне – я подошел к ней в парке, предложил сыграть в бадминтон, был «уделан» и пригласил на «Норд-Ост».

И получилось, что это у нее как новое «приключение»...

ТАТЬЯНА ГУРЕВИЧ-СОЛНЫШКИНА, концертмейстер «Норд-Оста» (партер):

...Тут террористы спрыгнули в оркестровую яму и пришли за нами. Стали стучать в оркестровую комнату, стрелять в дверь, потом крикнули: «Все выходы нами перекрыты! Если не выйдете, забросаем гранатами и расстреляем! Выходите!» Ну и мы стали выходить. Они привели нас обратно, в оркестровую яму. А из этой оркестровой ямы мы – через барьер – перелезали в зал. И самое страшное было – глаза зала. Ты залезаешь на барьер, видишь глаза людей в первых рядах, и в этих глазах – ужас, страх, отчаяние.

А тут еще боевики попытались нас с Игорем разлучить. Они говорят: женщины сюда, в эту сторону, а мужчины сюда. Игорь держит меня за руку и говорит: «Нет, я пойду только с ней!» И так, наверное, сказал – они махнули рукой, и мы с Игорем сидели вместе в седьмом ряду, рядом с нашим дирижером и духовиками...

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА, 19 лет, чертежница из Подлипок Московской обл. (партер):

Было страшно, у некоторых страх просто прочитывался на лицах. Мой новый знакомый, из-за которого я пересела в шестнадцатый ряд, – его звали Виктор, – двумя руками вцепился в кресло...

ТАТЬЯНА ГУРЕВИЧ-СОЛНЬШКИНА, концертмейстер «Норд-Оста» (партер):

Страшно было первые минуты, очень страшно. Они бегали по залу, по сцене и кричали: «Мы тут все взорвем, все здание!» И мы видели эту взрывчатку, гранаты, оружие. Жутко стало. Когда мы сели, я сразу подумала о маме с дочкой. Как они будут жить без нас?

Сзади сидели две женщины. Я не знаю, живы они или нет. Одна очень сильно нервничала. У нее двое детей. Она то краснела, то бледнела, то подбегала к этой камикадзе и говорила: «Отпустите женщин и детей! Ну пожалуйста! У нас же дети!» А та ей отвечала, что их это не волнует. Вы, говорит, чего боитесь? Боли? Но это произойдет очень быстро, за какие-то секунды. Мы, говорит, это делаем во имя Аллаха. И потом попадем в рай.

ЗИНАИДА ОКУНЬ, менеджер телекоммуникационной компании (первый ряд партера):

А ведь я пришла на мюзикл, чтобы избавиться от депрессии, которая накрыла меня несколько дней назад. Когда дети уходят в свою жизнь и живут самостоятельно, а ты смотришь в зеркало, и тебе 40+, то ты вдруг видишь, что вокруг – пустота. Веса в тебе лишнего килограммов десять, кожа не атлас, и мужчины уже давно смотрят мимо тебя. И ты начинаешь думать, что – все, конец, жизнь практически кончилась. Бежала за ней, бежала, думала: вот сына подниму на ноги, вот дочку выдам замуж и тогда проживу. А оказалось... Кроме того, у меня в тот день украли сумку с документами. И потому, когда я осознала, что нас взяли в заложники, я даже не удивилась...

ОЛЬГА ЧЕРНЯК, журналистка Интерфакса:

Когда началась стрельба и актеров согнали в одну кучу, вытащили из оркестровой ямы музыкантов, пригнали работников театра (они были в красной униформе), мы с мужем поняли: что-то не так. И я стала звонить в Интерфакс.

ИЗ ПРЕССЫ

ИНТЕРФАКС:

От журналистки Интерфакса Ольги Черняк Россия и весь мир узнали о том, что группа вооруженных людей проникла в зал Театрального центра на улице Мельникова и объявила зрителей и актеров заложниками. Информация О. Черняк, переданная из зала по мобильному телефону, в течение нескольких минут появилась в срочных сообщениях всех мировых агентств и телекомпаний...

«ИЗВЕСТИЯ»:

В редакцию «Известий» позвонила одна из заложниц – программист из Петербурга. Она сообщила, что террористы позволили ей поговорить по мобильному телефону пять минут. Девушка сообщила, что всего в этот момент в ДК находится порядка 800 человек. Террористы, среди которых есть и вооруженные женщины, требуют прекратить войну в Чечне. Они говорят, что представляют смертников из 29-й дивизии и что при попытке штурма будут расстреливать по 10 человек за каждого убитого боевика. Командует ими некий Мовсар Бараев...

ИНФОРМАЦИЯ (по открытым источникам):

Мовсар Сулейменов-Бараев родился в 1979 году в городе Аргуне, здесь же окончил школу. В 1998 году переехал в Алхан-Калу к Арби Бараеву, командиру «Исламского полка»,

известному своей жестокостью и торговлей заложниками. В Алхан-Кале Арби Бараев купил Мовсару дом, джип и женил его. Мовсар стал его самым надежным бойцом и телохранителем. Летом 1998 года во время боя бараевцев с бойцами отряда братьев Ямадаевых Мовсар Сулейменов и еще шестеро бараевцев были ранены, пятеро были убиты.

После ввода в Чечню федеральных войск Арби Бараев назначил Мовсара командиром диверсионного отряда и отправил в Аргун. По сведениям чеченского УВД, Арби Бараев и Мовсар Сулейменов занимались убийствами чеченцев – сотрудников исполнительной власти – и охотились на главу администрации Ахмада Кадырова. Когда в ходе спецоперации федеральных войск Арби Бараев был убит, Мовсар взял его фамилию, провозгласил себя вместо дяди эмиром алхан-калинского джамаата и начал мстить федералам за смерть родственника. Он организовал несколько нападений на федеральные колонны и целую серию взрывов в Грозном, Урус-Мартане и Гудермесе.

По сведениям чеченской милиции, Мовсар Сулейменов-Бараев был одним из организаторов теракта в Алхан-Юрте 9 декабря 2000 года, когда был подорван заминированный автомобиль «Москвич-412» и погибли 20 человек и 17 были ранены.

Финансировал Мовсара сам Хаттаб, причем на редкость щедро – на организацию терактов и зарплату подчиненным выдал, по некоторым данным, порядка 600 тыс. долларов. Но теракты, организованные Бараевым в Аргуне, привели Мовсара к конфликту с полевыми командирами Абдулхаджиевым и Ченчиевым, которые открыто заявили, что из-за Мовсара федералы громят аргунский джамаат.

Российские спецслужбы неоднократно обвиняли Мовсара Бараева в причастности к похищениям людей. Военные дважды объявляли о его гибели. 21 августа 2001 года руководство ФСБ объявило, что Бараева ликвидировали во время спецоперации. Но потом Бараев стал выступать на сайтах чеченских боевиков, и так выяснилось, что он жив. 12 октября 2002 года зам. командующего группировкой войск в Чечне Борис Подопригора объявил о том, что «Бараев погиб под точечными ударами российской артиллерии и авиации». Обычно в таких случаях военные предъявляют труп (так, труп Арби Бараева показали перед телекамерами), но тело «погибшего» Мовсара не показали. Зато он сам показался – через две недели, 23 октября, в Москве, при захвате «Норд-Оста».

ИЗ ПИСЕМ ВЕРЫ К СВЕТЛАНЕ

От: vera565@aha.ru

Кому: Светлана sv@mail.ru

Дата: 20 января 2003 г., 13.28

Здравствуйте, Света.

Снова попала в больницу, в обморок свалилась в магазине. Истощение, говорят, я почти ничего не ем. И ничего не могу с собой поделатъ. И ничего не сделаю уже никогда. Потому что его уже нет...

ЗА СТЕНАМИ «НОРД-ОСТА»

«Известия»:

Одним из первых на место событий прибыл отдельный муниципальный батальон милиции – произошло это примерно в 21.25. Его сотрудник, пожелавший остаться неизвестным, сообщил, что, как только они попробовали подойти к главному входу, из двери был открыт автоматный огонь. «После этого мы отступили. А террористы вдогонку кинули гранату», – сказал он.

Командир ОМОНа:

Я в этот вечер был в отряде, мне дежурный докладывает: «Товарищ командир, звонит Х., говорит, что он в заложниках...» Я удивился: «В каких еще заложниках?» Беру трубку. Действительно, Х., но голос какой-то не то глухой, не то осипший: «Валентин Саныч, я в «Норд-Осте», чеченцы взяли нас в заложники!» Я говорю: «В каком норд-осте, блин? Пить меньше надо! Придешь в отряд, я тебе такой норд-ост устрою – северное сияние увидишь!» Но слышу: там уже пустота, отбой. Иду к себе в кабинет и думаю: «Этот Х. никогда не пил, а тут в норд-ост упился? Что-то тут не то...» Звоню дежурному по МВД: есть ЧП? Говорит: нету. А бойцы зовут: «Валентин Саныч, включите радио!» Включаю, и там сообщение: «Чеченцы захватили «Норд-Ост»!» То есть пресса раньше милиции узнала – там, оказывается, какая-то журналистка была, она на свое радио позвонила. А мой боец еще до нее под кресло нырнул и стал в отряд звонить, но успел только пару слов мне шепотом сказать, как ему дуло – в затылок и мобильник отняли...

Ну, я уже не стал ничего больше ждать, даю боевую тревогу, сажаю отряд на два бронетранспортера, и мы на полной скорости гоним в Москву. А базируемся мы за городом. Но уже через двадцать минут врываемся по шоссе в Москву, и тут нам наперерез гаишник бежит, майор: «Стоп! Стоять! На месте!» Выхожу из машины – я на своей черной «Волге» впереди бэтээров ехал. «В чем дело?» А он: «Вы чё? Сдурели? С оружием на бэтээрах в Москву! Куда едете?» Я говорю: «Кремль брать». Он за «пушку» хватается: «Не пушу!» Я говорю: «Остынь. Позвони в дежурку». Он звонит и тут же с лица бледнеет – ему там про «Норд-Ост» сообщают. И он с дороги отскакивает: «Езжайте! Вперед!» И своим по рации: «Остановить движение! Дорогу бэтээрам!»...

Генерал Асламбек Аслаханов, депутат Думы:

Накануне, девятнадцатого октября, в нашем доме произошел пожар: лифт, телефоны, электричество, радио, телевизор – все было отключено. И мы жили в кромешной темноте, посреди гари, вони и копоти. Я семью отправил из Москвы, а сам целыми днями в Думе. Но к вечеру прихожу домой, и тут жена звонит на мобильный: «Знаешь, я от мамы слышала, террористы захватили что-то». Я говорю: «Глупости! Какие еще террористы?» А она: «Говорят, чеченцы захватили какой-то театр». «Ну, это вообще дикость! – отвечаю. – Как ты могла поверить такой болтовне?! Никакой чеченец на это не пойдет! Это же удар по всем чеченцам. Только наши враги могут такие слухи распространять! Перестань сейчас же!» – и дал отбой. Но через пару минут думаю: а вдруг? Не дай Бог, если чеченцы что-то делают! Я же депутат от Чеченской Республики и первый чеченский генерал, я знаю, что такое терроризм, и имею опыт борьбы с ним.

Короче, я позвонил в милицию, в ГУВД, и там мне подтвердили этот факт. И я тут же выехал туда, на Дубровку, – сразу, немедленно...

Михаил Авдюков, прокурор Москвы:

Я живу в районе площади Девятьсот пятого года. И только подъезжаю к дому, как звонят из Интерфакса: «Михаил Алексеевич, вы не в курсе? Тут какие-то странные звонки идут о захвате заложников. А в милиции никто ничего не знает». Я говорю: «Какие? Где захват?» «В ДК на Дубровке какие-то три-четыре человека вышли на сцену и угрожают зрителям – мол, они взяты в заложники. Вы что-нибудь знаете?» – «Нет, сейчас буду узнавать». Звоню дежурному по МВД. Дежурный не в курсе. «Откуда у вас информация?» – «Да вот из прессы звонят». Потом стало понятно: заложники из зала стали по мобильным телефонам звонить куда кому в голову пришло – родственникам, друзьям, только не в милицию. А журналисты, естественно, – в свои газеты и на радио.

Короче, я развернул машину и помчался туда...

Первый офицер «Альфы»:

Когда говорят, что «Альфу» два часа не могли собрать, это вранье. Я был у ДК на Дубровке одним из первых, там еще практически никого не было, мы были брошены сразу на рекогносцировку. Надо было определить, сколько в зале боевиков, сколько у них оружия, какое оно, есть ли варианты скрытого прохода в ДК, можно ли вести переговоры, с кем. То есть куча вопросов, которые нужно было решать по отработанной схеме. В нашем отряде есть два профессиональных переговорщика со специальной подготовкой, один из них был там с первых минут. С другой стороны, всех нас туда послать тоже было нельзя – никто не знал: захват «Норд-Оста» – это единичный теракт или только первый, отвлекающий от основного удара...

ИТАР – ТАСС

На место чрезвычайного происшествия в Москве срочно выехали начальник ГУВД и прокурор российской столицы. К месту инцидента также прибыла группа «Альфа». О ситуации проинформирован президент Владимир Путин.

ГЕНЕРАЛ ФСБ (анонимно, на условиях конфиденциальности):

Пусть это звучит цинично, но с первой минуты, как только стало известно о захвате ДК на Дубровке, вовсе не он стал нашей главной головной болью. В конце концов, «Норд-Ост» – это только локальный зал и всего лишь одно здание, которое можно оцепить и изолировать. Но мы понимали, и это было доложено президенту: такой теракт могли подготовить только профессионалы, а профессионалы не могли задумать его как единичный удар. 11 сентября прошлого года террористы-профессионалы захватили в США сразу четыре самолета, и три из них поразили цели с интервалом 15–20 минут.

А теперь представьте, что стало бы с Москвой, если бы в ту же ночь 23 октября в Москве, в разных ее концах, началась **серия** терактов? Люди в панике бросились бы бежать из города. И у нас не было сомнений – именно это готовили нам террористы...

ИЗ «ЛЕВОЙ» ПРЕССЫ

(АПН – Агентство Политических Новостей):

Как сообщил АПН источник в президентских структурах, в связи с терактом в Москве Владимир Путин находится в состоянии, близком к панике.

МЕЖДУ ТЕМ —

ЖУРНАЛИСТЫ С МЕСТА СОБЫТИЙ

22.00. На улице Мельникова у Театрального центра – холодно, пусто, моросит мелкий дождь. Оцепление еще не выставлено. Тихо, ни души...

В ЗАЛЕ В ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ

Анна Андрианова, журналистка, газета «Московская правда» (партер):

Мовсар Бараев заявил со сцены: «Если завтра не начнут выводить войска из Чечни, будем вас расстреливать!» И почти сразу они стали минировать зал. Сказали: никакой паники, иначе будут стрелять. Я надолго запомню этот звук разматывающейся липкой ленты-скотч...

ПАВЕЛ КОВАЛЕВ, 24 года, корреспондент газеты «Моряк Украины» (балкон):

В зале царит треск скотча – смертницы обматываются взрывчаткой. Одну из них я узнал – в антракте после первого действия обратил внимание, как она надевала на лицо черный платок. Подумал тогда: мусульманка, ей сейчас в фойе выходить. Впоследствии Амина – ей чуть больше 16, – обмотавшись взрывчаткой, будет стеречь нашу половину бельэтажа все три чер-

товых дня. Сколько террористов обоего пола было в зале в течение первого акта – одному Богу известно. Или Аллаху.

Боевики тем временем осматривают вентиляционные шахты, срывают звуковое оборудование, устанавливают на сцене и в зале взрывные устройства. Они явно подготовились к серьезной и длительной осаде. И создают себе «паблисити» – разрешают нам звонить родственникам, чтобы сообщить о состоявшемся захвате. Особый упор делают на звонках в Америку и Израиль. Ищут тех, кто знает английский язык...

РЕНАТА БОЯРЧИК, 22 года, стриптизерша ночного клуба (партер):

У всех людей реакция была разная. Большинство, естественно, были напуганы. Многие девушки плакали, некоторые, можно сказать, даже бились в истерике. Особенно девушка, которая сидела за нами. Ее очень сложно было успокоить...

Террористы сказали: «Звоните своим родным и в прессу, говорите, где вы, что с вами». Но у меня первая мысль была: я никому звонить не буду. Чтобы родители ничего не узнали. А мой друг-пограничник уткнулся в свой мобильник и стал сообщения посылать. Я ему говорю: «Мне страшно, поговори со мной!», а он – ноль внимания. Только быстро пишет по букровке свои сообщения. Я заглянула и пришла в ужас, он там писал: «...оружие: «АКС-74У» – 18 шт., «ПГМ» – 4 шт., «ПС» – 12 шт., гранаты разные – у всех, одиннадцать «чехов» ведут минирование зала. Срочно свяжите меня с «Альфой», они уже должны быть здесь». Я говорю: кому ты это пишешь? Он говорит: на свою погранзаставу, начальнику. Я совсем прибалдела – где его застава, где Москва! Хлопаю глазами: «Зачем?» Он объяснил, говорит: «У нас в армии бардак, но погранвойска еще держатся. Мой начальник уже через пару минут будет по спецсвязи с дежурным по Генштабу разговаривать».

АЛЕКСАНДР СТАЛЬ, 21 год, студент (балкон):

К балкону скотчем прикрепили какой-то агрегат, похожий на вентилятор. К стойке привязали канат, перебросили через балкон вниз, в зал. Рядом поставили большой баллон, сказали, что это бомба. Около нее постоянно сидела одна из шахидок.

Один из боевиков спросил, разбирается ли кто-нибудь из мужчин в минах, но никто не поднялся. Тогда он засмеялся: «Тоже мне мужчины!» Мы подумали, что минеры ему нужны для того, чтобы подтвердить нам, что бомба настоящая.

ЗИНАИДА ОКУНЬ, менеджер телекоммуникационной компании (первый ряд партера):

Бараев говорит: «Вы заложники. У кого есть мобильные – звоните своим родным, сообщайте. У кого есть знакомые в прессе, в прессу сообщайте». Я свой мобильный достаю. Думаю: сыну звонить не буду, потому что у него сразу будет инфаркт. Дочке звоню: «Валь, знаешь, по моему, мы в заложниках». Она не понимает: «Ты что говоришь, мама? Ты соображаешь, что говоришь?» Я говорю: «Валь, все. Стреляют. Все, связь заканчивается».

МОСКОВСКАЯ СЛУЖБА СПАСЕНИЯ. ЗАПИСЬ ЗВОНКА (радиостанция «Маяк»)

Оператор: Служба спасения, оператор 300, здравствуйте.

Мужской голос: Девушка, здравствуйте.

Оператор: Да, я слушаю вас, говорите, пожалуйста.

Мужской голос: Это не шутка, у нас в зале заложники – в «Норд-Осте», в театре.

Оператор: Да...

Мужской голос: Метро «Пролетарская», в театре.

Оператор: Адрес называйте.

Мужской голос: Понимаете, я не знаю адреса. Это мюзикл «Норд-Ост».

Оператор: Сколько там заложников взяли? Сколько человек?

Мужской голос: Заложников? Весь зал.

Оператор: А что требуют?

Мужской голос: Что требуют? Чтоб выводили армию из Чечни.

Оператор: Ясно. Я поняла. Телефон не отключайте. (*Пауза.*) Молодой человек, скажите, что сейчас происходит в зале?

Мужской голос: В зале? Ну, в принципе ничего, все сейчас дозвониться пытаются, но не у всех получается. И боевики ходят с оружием.

Оператор: Они вас не выпускают, но вы можете свободно передвигаться по залу?

Мужской голос: Нельзя ходить, сидим. Как смотрели спектакль, так и сидим. По краям, там, где откидные сиденья, стоят женщины, заминированные все.

Оператор: Стоят? Как?

Мужской голос: Заминированные, все женщины заминированные. В середине лежит заминированное взрывное устройство.

Оператор: И женщины стоят возле него?

Мужской голос: Да. Около него и по всему периметру, по всему залу.

Оператор: А в проходах женщины стоят?

Мужской голос: И в проходах, и по всему кругу. Стоят как бы.

Оператор: Это они специально женщин выделили?

Мужской голос: Нет, женщины ихние как раз. Заминированные, с оружием. Камикадзе... (*неразборчиво*)... нереально. Мне кажется, мы здесь все ляжем. И это не шутка.

(*Конец записи*)

В ЗАЛЕ, ЗАЛОЖНИКИ

СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА, инженер из Караганды (партер):

Сэнди, мой американский жених, раньше меня понял, насколько это серьезно. Я еще порывалась что-то ляпнуть захватчикам по поводу свободы личности, а в какой-то момент у меня появилось безудержное желание просто встать, сказать, что я не желаю играть в эти игры с захватом, и выйти из зала. Это было похоже на поведение упрямого ребенка, которому говорят «сиди», а он встает. Я по натуре очень строптива, упряма и в тот момент почти не контролировала себя. Но Сэнди взял меня за руку, обнял, сказал, что это очень опасные люди, что я должна сохранять спокойствие. И какое-то время еще продолжал меня обнимать, контролировать, внушать, что тут не до шуток. Потом расстегнул рукав своей рубашки и на руке написал авторучкой: «Deboга, I love you!» Дебра – это его 15-летняя дочка, которая осталась у него в Штатах, в Оклахоме. Затем стал мне и Саше, моей дочке, объяснять, что если будут стрелять, то надо прятаться так, чтобы голова не высовывалась. И лучше, если задница тоже не будет высовываться...

Анна Андрианова, газета «Московская правда»:

Мы сидели, окруженные вооруженными людьми в камуфляжной форме. У нас в ногах была мина. Боевики с нами в контакт не вступали, общались в основном между собой, ходили туда-сюда, женщин своих ставили определенным порядком, у женщин на поясах висела взрывчатка. Минировали по всему периметру зала. Два обмотанных взрывчаткой стула поставили на сцену. Сзади, где окошко звукорежиссера, тоже. И по бокам. Везде.

Николай Любимов, 71 год, сторож ДК на Дубровке:

Когда произошел захват, мы с моим напарником-сторожем в этом ДК были снаружи здания. Мы слышали шум, решили, что кто-то бьет в зале окна, и пошли искать хулиганов. Тут на меня выскочил один из чеченцев, наставил автомат и повел в зал. Там все уже сидели в оцепнении, чеченцы минировали зал и стреляли над головами, а прятаться не давали. Взрывные

устройства они привязывали к спинкам кресел, а провода тянули к пульту, который был в центре зала. У пульта стояла вооруженная чеченка. Другой чеченец минировал зал – громко разматывал липкую ленту-скотч, рвал ее, вставлял детонаторы, приматывал детонаторы и взрывчатку к креслам. Потом, орудуя автоматом, стал зачем-то выламывать спинки кресел. Когда он достал нож, я испугался...

ЗИНАИДА ОКУНЬ, менеджер телекоммуникационной компании (первый ряд партера):

А возле нас с Аллой Петровной, на сиденье в первом ряду – сумка большая, тяжелая. Боевики ее туда бросили, когда в зал ворвались. И вот чеченец стоит теперь над ней, нервничает, что-то достает, какие-то пакеты, взрывчатку, а нам все говорит, как им там, в Чечне, тяжело. Как там люди страдают из-за этой войны, сколько детей погибло, женщин. «Скажите спасибо, – говорит он, – что мы вас четыре года не трогали...» Я думаю: молчать надо. А он все правительство наше ругает. Мы молчим. Он опять ругается. Я ему говорю: «С ума каждый сходит по-своему». И тут он вскидывает на меня автомат: «Ты мне надоела. Я сейчас тебя пристрелю!» Вот таким тоном. Я говорю: «Не надо, я молчу». Взяла платочек, накрыла лицо и сказала себе: все, меня здесь нет...

АЛЕКСАНДР СТАЛЬ, 21 год, студент (балкон):

Один флаг – арабская вязь на черном фоне – повесили на сцене, второй такой же – в бельэтаже, на перегородке, за которой размещались звуковая аппаратура и компьютеры. Кстати, первое время эта аппаратура передавала на сцену и декорации световые эффекты – солнечные зайчики, узоры, ромашки. Потом один из боевиков залез туда и прикладом разбил часть мониторов, некоторые опрокинул, пару раз, кажется, выстрелил. После этого никаких ромашек на сцене не было...

Марина Колчина и Наташа Салина, студентки, школа танца «Иридон»:

В боковом флигеле ДК шли занятия нашей школы. Мы занимаемся ирландскими народными танцами, никакого отношения к «Норд-Осту» не имеем. И про захват ничего не знали, наверное, до 10 часов – у нас музыка гремела, и мы ирландский стэп репетировали, а это такой грохот!.. Но когда террористы стали минировать зал, там стало так тихо, что они услышали наш топот и решили, что это где-то стреляют. Они выскочили из зала, ворвались во флигель и видят: мы, двадцать пять человек в туфлях с эбонитовыми подошвами, синхронно отбиваем стэп. А они-то думали, что это пулеметная очередь. Ну и тот, который ворвался, – у него вот такие глаза, он закричал: «Ложись!» Мы ничего не поняли, у нас было впечатление, что он шутит. Но только до тех пор, пока он не выстрелил. Два выстрела в потолок, штукатурка с потолка полетела на нас, стало страшно, мы упали под гимнастический станок. Он еще раз выстрелил, потом приказал всем подняться и идти за ним. Мы пошли. Он кричит: «Бегом!» Мы побежали. Мы бежали по стеклам, потому что стеклянные двери в переходе из флигеля уже были разбиты – они били их прямо перед нами, чтобы мы быстрее прошли. Мы пробежали в зал, нам приказали садиться на свободные ряды в конце зала – это был четвертый, наверное, сверху ряд. Мы сели и стали ждать. Мне казалось, что сейчас все рассядутся и эти люди скажут, чего они от нас хотят. Может быть, какая-то лекция будет и нас отпустят. Рядом сидела моя подруга, я с ней поделилась этими мыслями, но она посмотрела на меня так удивленно и сказала: «Нет, Марина, мы в заложниках, и, наверное, надолго». И тут наступил ужас, просто ужас...

СЕРГЕЙ ЛОБАНКОВ, режиссер по пластике, руководитель детской труппы «Норд-Оста»:

Параллельно со спектаклем шла репетиция с детьми в репетиционном зале. Я и Галина Делятицкая разучивали с ними сцену из мюзикла «Оливер Твист». Поскольку звукоизоляция между репетиционным и зрительным залами очень хорошая, мы никаких выстрелов не слышали и не знали, что происходит. Когда в двери показался человек в камуфляже, первая мысль была, что это, видимо, какая-то эвакуация. Я стал торопить детей: быстрее, быстрее собирайтесь. Но когда мы вышли из репетиционного зала, нас повели на балкон. Тут-то я увидел чеченцев-боевиков и понял, что это что-то очень серьезное. Нас посадили на свободные места. Я оказался рядом с плачущей девочкой. Эта девочка сидела со своими одноклассниками, из школы «Золотое сечение», и захват на нее произвел очень сильное впечатление, она плакала навзрыд. Я стал ее успокаивать, старался вывести из шокового состояния...

СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА, инженер из Караганды (партер):

У женщин-чеченок была валерьянка, они всем давали валерьянку, чтобы успокоить. А Сэнди молился. Он не крестился, но его руки были так сложены и он так пристально смотрел перед собой куда-то в пространство – было видно, что человек молится. Я смотрела на него и чуть не редела: надо же! Мы с таким трудом нашли друг друга, и нате вам – угодили в такой кошмар!

А ведь как хорошо все у нас начиналось...

В Интернете есть сайты знакомств. Масса! Я даже не думала, что столько одиноких людей по всему миру. И вот я, живя в Караганде, два или даже три года общалась с миром и людьми виртуально. А однажды, уж не помню почему, я просто так бродила по Интернету, запустила «поиск» и нашла анкету Сэнди. Обычно я никогда за пределами России никаких знакомств не искала и не писала людям, которые не говорят по-русски. Потому что мой первый брак принес мне только отрицательный опыт, и подружки мне все время говорили: «Ты и по-русски с человеком договориться не можешь, куда тебе с иностранцами знакомиться!» Но тут что-то меня толкнуло, я заглянула на сайт США и попала на его, Сэнди, анкету. И что мне понравилось: он не выставлял никаких требований, как другие мужики обычно делают – блондинка, глаза голубые, «90 на 60 на 90» и прочее. Нет, он, наоборот, ограничил возраст своей потенциальной невесты в другую сторону, он написал: ищу женщину не моложе 38 лет. Я подумала: вот мужчина ищет себе человека, а не украшение будуара. И еще была там приписка: учу русский язык.

Но я и ему написала не сразу. А наверное, дня через три еще раз нашла его анкету, распечатала. В анкете не было его фотографии, был только электронный адрес и написано:

СЭНДИ БУКЕР, 49 лет, США

Несколько слов о себе: состоятельный, хочу иметь русскую жену.

Изучаю русский.

Что мне хотелось бы найти в Вас: 38–48 лет, физически активная, не стремящаяся к карьере и бизнесу.

Анкета размещена 17 февраля 2002 года в разделе «Для серьезных отношений».

21 февраля я все-таки решилась:

Здравствуйте, Сэнди!

В моей жизни все не так плохо – растет чудная дочь (ей скоро исполнится 13 лет), есть интересная работа (правда, хотелось бы найти ее в другом месте), есть надежные друзья, но (увы!) нет того, что называют «женским счастьем». А потому ищу, пишу, пытаюсь что-то изменить в этой жизни.

Буду рада Вашему письму.

Светлана.

Ответ пришел в тот же день:

21 февраля 2002 г., 10.53

Sandy Booker

Я буду отвечать по Ru. Скоро.

Так началась наша переписка. И очень быстро переросла в ежедневную, причем порой – по два, а то и три письма в день. Сэнди писал о себе:

Я работаю в большой компании в области электроники. У меня также есть собственный бизнес в сфере недвижимости. Я люблю читать, путешествовать, кататься на горных лыжах, ездить на природу и устраивать пикники. Я также каждый день работаю на компьютере.

Я очень чувствительный и отзывчивый человек.

Я ищу женщину, у которой будут те же интересы, что и у меня. Чтобы она помогла мне в моем бизнесе, а также дома. Она должна знать компьютер, быть физически здоровой, уметь плавать и желать выучиться кататься на горных лыжах.

Если у вас есть эти качества, то я буду рад предпринять длительное путешествие в вашу страну, чтобы встретиться с подружкой по духу, и мы будем прекрасной парой...

А я отвечала:

Здравствуйте, Сэнди!

Я пытаюсь изучать английский, а пока использую программу «Переводчик».

Мне 44 года. Я люблю читать, путешествовать, с удовольствием играю в настольный теннис, люблю пикники. Мечтаю увидеть океан и хочу научиться кататься на горных лыжах.

Я веселая, добрая, честная женщина. Люблю делать домашнюю работу. Имею два высших образования, работаю на заводе. Живу в Караганде, в Казахстане. Это большой индустриальный город. Здесь много шахт. Завод, на котором я работаю, выполняет заказы шахт по ремонту и производству оборудования. Оба мои образования технические. Первое – машиностроение, второе – экология. Моя деятельность связана с компьютерами. К сожалению, мне еще трудно писать большие письма по-английски. Надеюсь получить Ваше письмо. Наилучшие пожелания.

В ответ приходили письма, читать которые было одно удовольствие:

Мисс Светлана, привет и с добрым утром, как ты сегодня?

Я хочу широко улыбнуться, поцеловать тебя и спросить, не хочешь ли ты кофе. Завтра у меня напряженный день. Надеюсь, будет приятная погода, поскольку я перестраиваю одну из квартир, которые я сдаю в аренду, и буду сотню раз выходить на улицу и заходить обратно. Я ненавижу надевать пальто во время работы. И еще я должен помнить, что в обеденный перерыв у меня деловая встреча по поводу перестройки еще одной квартиры, которую одна женщина хочет купить у меня на следующей неделе.

Я хотел бы, чтобы ты была здесь и напомнила мне об этом, а то я могу так увлечься работой, что забуду. В 3.30 поеду на свою официальную службу в «Дженерал моторс», где я уже 17 лет ремонтирую, программирую и конструирую всякое автоматическое оборудование типа роботов. Я буду

дома в час после полуночи. Но не сразу в постель, а еще отправлю тебе письмо по электронной почте, поскольку у нас с тобой много общего...

Но больше всего я хотел бы слегка притормозить свои дела и делить свое время с дорогой мне женщиной...

Мы стали писать друг другу обо всем. Я писала о своей дочери и том, что ищу себе новую работу. А Сэнди сообщил о его единственной дочке Дебре:

Ей сейчас 15, но она считает, что ей 21. Мы с ней хорошо ладим, она уважает меня больше, чем свою мать, но она живет со своей матерью на расстоянии двадцати минут езды от моего дома в городе Оклахома, штат Оклахома, который находится в самом центре США. Люди у нас в городе приятные и красивые, как я...:)

Оклахома, образовывал он меня, знаменита терактом 1995 года и тем, что погода там меняется очень быстро. Город небольшой, но в нем есть всего понемногу, включая небольшую русскую общину, состоящую в основном из женщин, вышедших замуж за американцев. Сэнди, по его словам, повстречал там несколько таких семей и обнаружил «мужей, которым повезло, и счастливых жен».

Оказывается, когда-то Сэнди побывал в России и полюбил ее.

Твоя страна имеет огромные возможности, и я надеюсь, что со временем ваши законы станут полегче и позволят мне жить там и заниматься бизнесом. Вот почему я решил учить русский язык, который пока освоил слабо, но кофе уже могу попросить. Я люблю хороший кофе. Со сливками. Очень горячий.

И я могу сказать «ппппррииииииввееет!».

Теперь очень кратко обо мне: дважды был женат на одной и той же женщине. Вынослив, но чувствителен к нуждам других людей. Депрессию после развода преодолевал в местной церкви. Построил небольшой, но приятный бизнес на аренде, перестройке и продаже недвижимости.

Люблю лыжи, дзюдо, чтение и альпинизм. Предпочитаю классическую музыку, хорошие фильмы и юмор.

Не курю, пью совсем немного и не прочь поиграть в казино. Люблю поговорить и послушать, но не болтать, а обсуждать что-то стоящее.

Дети – это Божий дар, и я уже имею один, согласен и на второй, твой. Мне нравится человек, который разделит мои консервативные взгляды. Короче, я хочу разделить мою жизнь с приятной леди, она может быть откуда угодно, даже из Казахатана.

Так наладилась наша переписка.

7 марта 2002 г., 9.01

Привет, г. Сэнди!

Спасибо, я с удовольствием выпью с Вами кофе. Со сливками. Я получила два письма из трех. К сожалению, мой электронный почтовый ящик имеет ограниченный размер. Мне понравилось Ваше большое и подробное письмо. Я хочу написать большой ответ. Однако это займет некоторое время, потому что мне трудно писать по-английски.

Светлана.

7 марта 2002 г., 13.52

Coffee with cream.

Привет, мисс Светлана!

Кофе варится! Ты слышишь запах? И у нас есть свежие сливки.

Ты любишь кофе с печеньем? Я люблю пирожные. Но если я не буду осторожен, я могу растолстеть от кофе с пирожными.

И я беспокоюсь: ты нашла себе новую работу? Ты в порядке? Или мне нужно завтра же вылететь туда, похитить тебя и перевезти в свой дом? Мне будет приятно спасти женщину в беде. В Америке каждый хочет стать героем. Я не исключение, и я думаю, что это от наших фильмов...

...Н-да... Вот он и прилетел вытащить меня из беды...

Теперь, сидя заложницей в этом зале – в Москве! заложницей у чеченцев! – я смотрела на него, на Сэнди. Как я уже сказала, он раньше меня понял, насколько это серьезно, написал у себя на руке: «Deo, I love you!», прижал к своему плечу мою дочь и стал молиться.

Меня поразило это. В чужой стране, за тысячу километров от дома, среди совершенно чужих ему людей и непонятных разборок, он сразу все понял, но не стал ни скандалить, ни просить выпустить его как иностранца, а, обняв мою дочь, словно прикрыв ее своим плечом, первым делом обратился к Богу...

А когда человек молится, лицо у него становится отрешенным. И одна чеченка, которая стояла рядом, говорит: «Ему что, плохо?» Я тут же попыталась сыграть на этом и сказала: «Да-да! Он болен! У него сейчас припадок начнется! Он сейчас умрет, если вы нас не выпустите! Ведь Мовсар сказал, что не воюет с иностранцами, и те, кто предъявит паспорта других стран, будут освобождены».

МАРАТ АБДРАХИМОВ, артист «Норд-Оста»:

Да, после того как нас согнали со сцены в зал, был вопрос: «Иностранцы есть?» Двое французских детей сразу откликнулись. «Так, дети, быстро! Всех детей выпускаем» – это один из боевиков играл в благородного. Тут вскочили все ребята чуть ли не до 18 лет. «Спокойно, – сказал чеченец. – Старше двенадцати я никого не отпущу».

ЗИНАИДА ОКУНЬ, менеджер телекоммуникационной компании:

Мы с Аллой Петровной, моей коллегой, тоже молились не переставая. Я знала, что за нас очень много людей молятся, потому что у меня много подруг, которые регулярно ходят в церковь. И я позвонила самой близкой своей подруге, попрощалась с ней, сказала, чтобы она оказала помощь моей дочке, если что, потому что положение очень серьезное и неизвестно, как все это может кончиться.

Тут Мовсар объявил, что с иностранцами они не воюют, что иностранцев отпустит. Так как с нами были иностранцы, которые приехали в Москву в нашу фирму, то мы, естественно, постарались их выпихнуть. Но наши иностранцы сказали: «Мы пришли вместе с вами, мы и уйдем вместе...»

А одной француженке удалось уйти. Я с этой француженкой столкнулась еще в антракте. И обратила внимание на эту парочку: она курила и по-русски неплохо говорила, а ее девочка лет шести – по-русски ни слова. Они в туалет стояли в очереди сразу за мной, и мы даже перемигивались, улыбались друг другу. И вот их отпустили, слава Богу, – я очень порадовалась, что именно их, и еще тому, что вместе с ними удалось уйти и нескольким нашим детям. То есть эта француженка взяла маленьких детей за руки – уж не знаю, как она их собрала, – и пошла с ними на выход...

А один чеченец сказал уходящим русским: «Передайте там, что, как только ваши власти прекратят войну и выведут войска из Чечни, мы всех освободим».

ИЗ ПРЕССЫ

На Би-би-си позвонил Мовлади Удугов, возглавлявший в правительстве Аслана Масхадова министерство информации Чечни. Удугов сообщил: «Захват заложников организован группой полевого командира Мовсара Бараева. В театре находится отряд смертников и около 40 чеченских вдов. Театр заминирован. При попытке штурма здание будет взорвано».

В телефонном интервью НТВ глава администрации Чечни Ахмад Кадыров сказал: «Да, Мовсар мне известен. Но у него нет такой группы, чтобы приехать сюда или прилететь. У него не больше десятка людей. Он может принимать участие, но чтобы он командовал – этого я не допускаю».

Полпред президента в Южном округе Виктор Казанцев: «Бараева все знают – это тот, кто похищал людей, держал их в рабстве. Это отморозок...»

В ЗАЛЕ

Илья Лысак, 24 года, бас-гитарист «Норд-Оста»:

Всего, что делалось в зале, я не видел – мы не имели права смотреть вокруг, крутить головой. Один мужик, узбек, подошел к террористу и говорит: «Мы же с тобой братья, выпусти». Террорист наставил на него автомат и сказал: «Сядь на место, брат». Другой подошел с тем же: «Выпусти меня как мусульманина». А террорист: «Если ты мусульманин, прочти хоть одну молитву». А тот в Москве живет, ни одной молитвы не знает. Так что и у этого не получилось. Был еще один тип – шикарно одетый человек. Он им предложил деньги, а террористка сказала: «Рядом с тобой сидит женщина, и у нее нет денег. Почему ты решил, что я тебя выпущу, а ее нет?» И его непустили. Женщины плакали и просили, чтобыпустили детей. А о себе не просили. Хотя все понимали, что, как только они выпускают детей, мусульман и иностранцев, шансы, что нас взорвут, сразу возрастут...

СЕРГЕЙ ЛОБАНКОВ, режиссер по пластике, руководитель детской труппы «Норд-Оста» (балкон):

Когда они поставили несколько стульев со взрывчаткой спинками к заднику сцены, подумал, что это на случай, если штурм начнется со стороны сцены. Тогда они смогут взорвать задник, он упадет, и зал окажется отрезанным от штурмующих. Но через какое-то время эти стулья были поставлены ближе к переднему краю сцены и повернуты спинками к залу. Потом принесли фугас на балкон. И со знанием дела зачищали провода, подсоединяли к детонаторам, начали перемещать сидящих у стен ближе к центру. Решил: это для того, чтобы от стен рикошетом кого-нибудь случайно не зацепить. Вдруг услышал разговор за спиной. Один чеченец говорил другому: «Вот так кучнее будет». И понял: они это делали для того, чтобы как можно больше было ранений в случае взрыва фугаса. То есть когда теперь говорят, что они никого взрывать не собирались, то вы меня извините...

КАТЯ СТАРОДУБЕЦ, 20 лет, дочь ДАРЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ СТАРОДУБЕЦ (балкон):

А я на всех ругалась, потому что все женщины вокруг сидели и рыдали. И нарыдали уже себе в конце концов такие глаза, как у телескопов. Я даже на маму свою чуть не матом ругалась, потому что у меня такая мысль была: вдруг надо будет куда-нибудь бежать, спастись или откуда-то прыгать, а она сейчас нарыдается, и последние силы из нее уйдут. Еще мне запомнилась женщина перед нами, которая сидела с дочкой 14-летней. Когда начинали стрелять, мама все время ложилась на этого ребенка. А взрослые вокруг говорили: нас сейчас разорвет на куски. И я всем говорила: «Перед нами ребенок сидит, а вы такие вещи говорите!»...

Александр и Ольга Шальновы, родители Алеши Шальнова, актера «Норд-Оста»:

– Сам момент захвата я пропустил – сидел в холле на втором этаже, что-то читал. Мой сын, несовершеннолетний артист «Норд-Оста», репетировал в холле на третьем этаже танец из

«Оливера», жена была в гримерке. Вдруг из зала послышался какой-то странный звук, потом хлопки. Я поднялся посмотреть, что там происходит. Но в этот момент в холл ворвались два террориста, мужчина и женщина, наставили на меня автомат, приказали идти в зал. В зале один из террористов объявил, что можно звонить близким по мобильным телефонам. Я стал звонить жене и ребенку, а они не отвечают. Я сел в партере под балконом и в щель увидел руководителя детской группы Сергея, он знаками показал мне, что мой мальчик с ним и с другими детьми там, на балконе. Но самого ребенка я так и не увидел. Я стал просить чеченцев пустить меня на балкон к сыну, объяснял, что у него астма и простуда, что он приехал на репетицию с температурой 38°. Но они меня наверх не пустили. Я только слышал, как он там кашляет...

– Я была в гримерке, ждала сына с репетиции. Когда на сцене раздались выстрелы, кто-то крикнул: «Все прячьтесь по гримеркам, в зале вооруженные люди!» Я и несколько человек оказались запертыми в гримерке. За дверью слышали бег в тяжелой обуви, выстрелы, крики и приказы на арабском, как нам казалось, языке. На какое-то время это стихало, потом начиналось снова. Мы не открывали дверь, не выглядывали, не включали свет, сидели в полной темноте под гримерными столами. В наших сумках раздавались телефонные звонки, мы доползли до этих сумок и выключили телефоны, чтобы не привлекать внимание террористов...

НАТАЛЬЯ Н., 30 лет, экономист (балкон):

Говоря по правде, я в этот день влипла дважды – не только в теракт, а еще хуже. Знаете, бывают в семейной жизни такие ситуации, когда кажется, что – все, кранты, нет больше сил это выдержать. Дети не дети, а жизнь одна... А один мужчина у меня на работе, Гоша, – у него дома такая же была ситуация. Он мне и раньше всякие знаки внимания оказывал, а в тот день говорит: «У меня два билета на «Норд-Ост». Пошли?» Ну, я посмотрела ему в глаза и... пошла. Сидели мы на балконе. И вдруг, когда началось второе действие, я почувствовала какую-то дрожь в теле. Мне стало не по себе, я сказала: «Гоша, я чувствую себя не в своей тарелке. У меня какой-то озноб, или, может быть, я так на музыку реагирую. У меня такого никогда не было». Он говорит: «Да ладно тебе! Успокойся! Что мы такого делаем? Спектакль смотрим». А у меня мандраж не проходит. И только когда эти люди в масках влетели, начали кричать, запугивать – «Сидеть всем смирно! Руки за головы!», а потом эти выстрелы, – тут у меня как будто все оборвалось, чувствую: сейчас с нами будет что-то страшное. Я говорю: «Знаешь, я боюсь». Гоша говорит: «Не бойся, у нас есть еще полтора часа». Типа, если у нас есть полтора часа до окончания спектакля, значит, мы успеем вовремя вернуться домой и никаких семейных осложнений не будет.

И мы сидели – руки за головы. Я все думала: интересно, сколько же времени мы так сможем просидеть? От страха мы не могли даже разговаривать. Да и не знали, что сказать. Я говорила: «Я боюсь, я боюсь, я боюсь». Гоша пытался меня успокоить, но я сразу почувствовала, как он стал переживать из-за того, что привел меня на этот спектакль. Как будто он несет за меня ответственность. И я, зная его импульсивный характер, стала просить его: «Я тебя умоляю, только ничего не делай! Не дай Бог, не прыгай на амбразуру!» Он пообещал, но сдержанности в его глазах я не видела...

ЗАЛОЖНИКИ

Софья Душкина и Алевтина Попова, актрисы «Норд-Оста»:

– Мы оказались заперты в гримерке на втором этаже и, когда чуть пришли в себя от шока, открыли окно. За ним – темнота, и прыгать в эту темень было страшно...

– Мы включили в гримерке внутреннюю трансляцию, услышали, что «женщины – руки за голову, направо!», а «грузины могут покинуть зал». Потом там начали стрелять... Мы позвонили в милицию, хотели сказать, что к нам можно забраться и всех их обезвредить. А нас,

не слушая, послали в буквальном смысле... Тогда мы сорвали шторы, театральные платья с вешалок, шарфы, связали все и стали спускаться вниз...

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВ, один из авторов и продюсеров «Норд-Оста»:

Проблемы у террористов начались почти сразу после захвата. Скажем, из тех больших и тяжелых ящиков, которыми они забаррикадировали двери из кулис на сцену, вдруг повалил густой дым. Они не знали, что это такое, а это были машины для сценического дыма. Мовсар крикнул в зал: «Кто знает, что с этим делать?» К счастью, я знал...

Помощник режиссера:

По действиям боевиков я понял одно: если их операция захвата и была спланирована, то спланирована плохо. Они плохо знали план помещения. Если бы они его заранее изучили, то нашу каморку за сценой непременно бы нашли. А так... Запершись в монтажной комнате, мы выключили свет, затихли. Несколько раз к нам ломались, но выламывать дверь не стали – решили, что в комнате пусто. Когда в коридоре становилось тихо, мы пытались по мобильникам дозвониться в «02» – там не отвечали. Потом снаружи к нам прозвонился наш технический директор Андрей Ялович, он прекрасно знал план здания и показал эмчээсникам наше окно...

Маша Шорстова и Софья Душкина, актрисы «Норд-Оста»:

– В этот вечер я играла Катю Татарину. И, по счастливой случайности, мне между первым и вторым актами костюмеры не принесли вовремя платье. Мы с другими девочками-актрисами – Леной Моисеевой и Ирой Савельевой – сидели в своей гримерке, ждали и вдруг услышали какие-то выстрелы. По коридору бегали люди, громко кричали. Мы страшно перепугались и заперлись. Через какое-то время раздвинули шторы и увидели на улице целую толпу. Потом услышали какой-то шум из соседней комнаты – оказалось, это из окон соседней гримерки вылезали костюмеры...

– Но до земли наши самодельные веревки не доставали, и я прыгнула. Прыгнула и побежала, а сзади уже были выстрелы...

– Мы решили сделать то же самое, стали махать из окна руками. К нам подтащили металлическую лестницу, и таким образом мы спаслись.

Беглецы-монтажники:

...Перед окном монтажной, выходящим на задний двор ДК, появились эмчээсовцы. После того как мы подали им сигнал фонариком, спасатели притащили домкраты и гидравлические ножницы, срезали с окна решетку...

ИЗ ПРЕССЫ (журналисты)

22.05. К ДК добрались без проблем. Оцепление еще не выставлено. Тихо и ни души. Вдруг с тыльной стороны театра выбегают прямо на нас шесть человек. Это вырвались из плена заложники... Медики сказали бы, что они находились в шоковом состоянии... Они спустились из окна гримерки...

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Первый офицер «Альфы»:

К ДК приехал, когда там никакого штаба еще не было. Стояло только первичное оцепление ГАИ и местного отделения милиции. Из официальных лиц здесь были начальник ГУВД Пронин, а от наших, от ФСБ, – первый зам Патрушева генерал Проничев и Тихонов, шеф нашего Центра антитеррористических операций. Значит, как события развивались? Поначалу, как всегда, растерянность. Еще непонятно, что произошло, неизвестно количество террори-

стов и т. д. Потом более-менее ценную информацию сообщила девушка, которая выпрыгнула из окна ДК. У нее оказался с собой телефон внутренней связи, связывавшей звуковой цех, световой цех, гримерки и другие подсобки. Девушка нарисовала нам план здания – просто на листочке бумаги от руки было начерчено прямоугольное здание, обозначены пять входов в него и положение сцены. И тут же нашим переговорщикам удалось по ее телефону связаться со световым цехом. Правда, с того места, где они стояли, телефон не брал, надо было подойти вплотную к стене ДК. Ну, в темноте они осторожненько подошли к столбам навесного карниза, набрали номер то ли 304, то ли 314, им ответил кто-то из светоцеха, и первую информацию изнутри они получили от него. «Что там на данный момент происходит?» Он сообщил: «Вижу на сцене вооруженных людей. Они выгнали оркестрантов из оркестровой ямы...» – «Чем вооружены?» – «Вижу автоматы». – «Что еще? Гранатометы?» – «Не знаю. Есть какая-то труба». – «Как одеты?» – «Вижу женщин в черном». Наши ему сказали: «Все, мы с вами свяжемся». И доложили начальству, что у бандитов стрелковое оружие. По опыту Буденновска мы уже знали, что нужно делать. В Буденновске они не только захватили больницу, а еще согнали в нее людей с ближайшего рынка. Здесь тоже могла быть попытка вырваться из здания и захватить еще кого-то. Пронин сказал одному из своих: «Вот, Саша, быстренько! На этой схеме пять выходов обозначены, поставь по четыре человека. И еще четыре между этими колоннами. Закрепи позиции». Так было сделано первичное блокирование...

ИЗ ПРЕССЫ

Первые милицейские машины подтянулись к зданию ДК примерно в 22.00. В то же время нескольким актерам мюзикла «Норд-Ост» удалось убежать из здания через окна гримерных. Из зала выпущены на свободу 17 детей. По их словам, террористы готовятся освободить оказавшихся в заложниках чеченцев, грузин и азербайджанцев.

В городе для сотрудников милиции вводится специальный план «Гроза». Он означает: вся столичная милиция, а также отряд «Альфа» переведены на усиленный режим. В связи с возможностью новых терактов под охрану взяты все объекты, где расположены органы власти, электроподстанции, Московский нефтеперерабатывающий завод и другие важные объекты городской инфраструктуры...

ГЕНЕРАЛ ФСБ (анонимно, на условии конфиденциальности):

Страшно было не только заложникам. Нам, я вам доложу, было не менее страшно. При этом заложники хотя бы видели террористов, знали, что они делают. А мы – нет. Мы ждали серию терактов по всей Москве и гадали – где? когда? Весь личный состав милиции и других силовых структур был поднят по боевой тревоге. Все патрульные машины вышли из гаражей на патрулирование улиц. Мы еще не знали, что искать, где и кого хватать, но было ясно: если мы не упредим следующий теракт или, не дай Бог, следующие теракты, мы проиграем все. Ведь именно так, из-за нашего российского, а точнее, горбачевско-ельцинского пофигизма, мы и получили эту головную боль – Чечню.

ИНФОРМАЦИЯ (из книги Г. Шахназарова «С воздьями и без»):

«Став президентом Чечни, кстати, не без помощи тогдашнего ельцинского окружения, Джохар Дудаев первое время настойчиво просился на прием в Кремль. Но подаваемые им сигналы там не желали принимать. Сначала «всенародно избранному» не до Чечни, потом самовольности Грозного вводят Москву во гнев, и она уже намеренно игнорирует надоедливые притязания чеченцев. Дудаеву не остается ничего другого, как обратиться к исламу, что обещает ему политическую и военную поддержку мусульманского мира. Но еще в самый канун рокового решения о бомбардировках Грозного он звонит Горбачеву с просьбой стать посредником. Это предложение немедленно передается в Кремль и остается без ответа. Дальше – кровопро-

литная война, фактическое поражение, тупиковая ситуация в политическом плане, метастазы в Дагестане и еще одна чеченская война. А ведь встретиться Ельцин в свое время с Дудаевым, предложи этому толковому советскому генералу пост министра обороны или какой-то разумный компромисс (Дудаев был тогда согласен на «татарскую модель» отношений с Центром), этой раковой опухоли на теле Российского государства могло не быть».

МЕЖДУ ТЕМ (из прессы)

22.25. На Дубровке появляется первый пострадавший. Это один из режиссеров «Норд-Оста», Алексей Ивашенко, – он сумел спастись через окно, но, спускаясь с высоты третьего этажа здания, сорвался и получил перелом пяточной кости. Пострадавшего отвозят в 13-ю горбольницу. Вскоре специалисты Московской службы спасения помогли покинуть театр еще одной группе заложников, вскрыв оконные решетки на первом этаже. Эвакуировано 18 человек...

На месте происшествия развернуты большие силы милиции и других чрезвычайных служб.

ЗАЛОЖНИКИ

Софья Душкина, актриса:

Выпрыгнув из гримерки, мы сломя голову побежали от здания театра, нас трясло от ужаса, и никто нас не остановил, никто. И только когда мы завернули за угол и побежали по улице к метро, какие-то кавказцы стали останавливать свои машины рядом с нами и предлагать: девочки, покатай?

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДУБРОВКИ

Анна Душкина, мать Софьи Душкиной:

Я узнала про захват «Норд-Оста» по телевизору и вся помертвела, просто помертвела. Стала звонить Софье на мобильный – не отвечает. Тогда я оделась – пальто, сапоги, платок и уже собиралась идти туда, на Дубровку. А муж говорит: «Ну куда ты пойдешь? Что ты там сможешь сделать? Тут хоть по телевизору можно новости узнать...» Я села в прихожей на табурет – как была, в пальто, и сижу просто мертвая. Не знаю, сколько я так просидела – три часа, четыре? Пока Софья из метро не позвонила: «Мамочка, я жива, я оттуда сбежала...»

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Александр Цекало, один из продюсеров «Норд-Оста»:

Я заболел в этот день. И тем не менее, поскольку под вечер было тоскливо одному оставаться дома, я поехал к друзьям в ресторан «Антонио». Мы сидели, ужинали. Было где-то, наверное, девять или полдесятого, когда раздался звонок. Мне звонил Константин Эрнст, генеральный директор ОРТ: мол, знаю ли я, что в театре произошел захват заложников? Честно говоря, я не сразу понял, о чем идет речь. Но когда понял, сразу встал, бросил всю эту компанию и поехал туда. Там уже все было оцеплено, хотя оцепление было еще несерьезное: мне достаточно было сказать, что я продюсер мюзикла, и меня пропустили. А уже через час без пропуска туда почти никого не пускали.

В это время Костя мне постоянно звонил и говорил: «Найди тарелку! Найди нашу тарелку!» То есть автобус ОРТ, который в прямом эфире передавал сообщения с места событий. Одновременно туда набежала куча всяких дядечек в смешных кепках – раньше их бы называли кагэбэшники, а сейчас, наверное, фээсбэшники. Но пока не был организован штаб, мы все торчали на улице Мельникова – это, если стоять лицом к театру, слева от него, как раз у госпиталя для ветеранов войн. Там я встретил Андрея Яловича – технического директора театра, который разговаривал с «альфовцами», они спрашивали, как можно зайти в Театраль-

ный центр. Ну, мы, естественно, тут же вспомнили, что есть план БТИ. БТИ – это бытовые технические инструкции, то есть поэтажные планы здания, целый пакет. Кроме того, мы им сказали, в Москве существуют аналогичные ДК. Например, ДК «Меридиан» на Профсоюзной улице практически близнец ДК на Дубровке. Конечно, все это они могли бы узнать и без нас, но пока им не принесли эти поэтажные планы здания, мы им все рисовали от руки...

Командир ОМОНа:

На двух бэтэрах и черной «Волге» мы подъехали к Театральному центру. Было темно, дождливо, я остановил свои бэтэры на улице, правым боком к фасаду ДК, там между улицей и фасадом ДК метров двести – площадь и парковка машин. Бойцам я приказал не покидать машины и словно в воду смотрел: только мы остановились, как террористы открыли огонь по бэтэрам...

Сергей Цой, пресс-секретарь мэра Москвы:

Так получилось, что я туда приехал чуть раньше Юрия Михайловича. Дождь идет, темень, и вдруг по Дубровской – с включенными мигалками, с сиреной – машина Лужкова дует прямо к ТЦ, к площади, которая простреливалась террористами. Я рванул им навстречу с криком: «Назад! Назад!» На ходу дернул левую дверцу, запрыгнул в машину и ору не переставая: «Назад! Выключить мигалки! Все выключить! Назад!» Юрий Михайлович смотрит на меня, как на безумного, я при нем никогда голос не повышаю, и вдруг... «Чего орешь?» – говорит. А я водителю по плечу: «Назад! Фары гаси!» Он выполнил. Но тут Юрий Михайлович командует «Стоп!», выходит из машины, надевает свою кепку и идет к ДК. Ну, мне ничего не оставалось – я выскочил, забежал ему дорогу: «Нет, туда нельзя! Там террористы!» Он говорит: «Уйди с дороги!» А я опять: «Не пущу!» Он смотрит мне в глаза, а у меня же они корейские, раскосые. И вдруг он поднимает кулак и говорит: «Сейчас как дам по караоке!» И – напрямик в ДК.

Но тут, слава Богу, Пронин его перехватил...

ИЗ ПРЕССЫ

22.40. Со стороны ДК отчетливо слышатся выстрелы. Народ и группы милицейского состава инстинктивно бросаются за ближайшие укрытия: углы домов и автомобили. Кто стрелял и куда – не разберешь. Еще через несколько минут с улицы во двор почти бегом сворачивает небольшая группа людей. В центре – мэр Юрий Лужков, его пресс-секретарь Сергей Цой, кто-то еще из мэрии, и впереди охранник, хладнокровно расчищающий для шефа путь от зевак. Юрий Михайлович, как и его окружение, идет пригнувшись – звуки выстрелов никого не оставляют равнодушным...

В ЗАЛЕ, ЗАЛОЖНИКИ

АЛЕКСАНДР СТАЛЬ, 21 год, студент:

Вдруг, где-то часа через два после захвата, все захлопали. Пронесся слух – приехал Лужков. Многие вскочили с мест, но боевики закричали, чтобы все садились. Потом оказалось: по радио передали, что нас не 200–300, а по меньшей мере 800 человек. Народ обрадовался, что штурм скорее всего не будет. Для нас понятия «штурм» и «смерть» казались синонимами.

СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА, инженер из Караганды (партер):

Для меня вся беда была в том, что Сэнди свой паспорт оставил в гостинице. У него были с собой только водительские права. Бараев, стоя перед сценой в партере, стал отделять иностранцев от россиян. А у меня вообще никаких документов не было, потому что мой паспорт был в Американском посольстве. И тогда я стала махать всеми бумажками, какие у меня были под рукой. У меня в сумочке были карточки гостя гостиницы «Измайлово» на Сашу, на Сэнди

и на меня, а у Сэнди было только его водительское удостоверение, такая маленькая пластиковая карточка. Я взяла в руку это удостоверение, подняла над головой и пошла к краю ряда, а за мной, держась за руки, шли Саша и Сэнди. Зрители на нас зашипели – мол, из-за вас сейчас стрелять начнут, садитесь немедленно. Девушка-чеченка сначала пригрозила нам пистолетом, но я показала ей документы, она позволила нам дойти до конца ряда и сесть с краю – там были свободные места. Я показала ей водительское удостоверение Сэнди, она сказала, что ничего по-английски не понимает, сейчас позовет старшего. Подошел Бараев. Я ему снова показала это удостоверение, стала говорить, что мы семья иностранцев, что наши документы в посольстве, что при себе только это удостоверение и еще карточки из гостиницы. Бараев взял водительские права Сэнди, посмотрел, покрутил их с любопытством мальчишки, потом спросил у Саши, показывая на Сэнди: «Кто это тебе?» Саша вцепилась в руку Сэнди и решительно сказала: «Это мой папа!» Сэнди сказал Бараеву что-то по-английски, но тот его резко оборвал, заявил, что если Сэнди что-то хочет сказать, то пусть говорит по-русски. Потом Мовсар вернул мне документы: «Ладно, завтра разберемся. Сегодня мы вас отпускать не будем, потому что там вас ваши же пристрелят, а потом скажут, что это мы убили. Такое было в Буденновске. Завтра выйдете». Короче, Сэнди пропустили к иностранцам, он потащил Сашу за собой. Сашу не остановили, а меня пытался остановить другой чеченец, в маске. Но от этого чеченца в двух шагах стоял Бараев. Я снова начала: «Я же вам показывала! Я объяснила!» Он: «Ладно-ладно, проходи, садись».

Так я попала в иностранцы.

8 марта 2002 г., 2.55

Привет, Сэнди!

Аромат кофе восхитителен! Я с удовольствием буду пить кофе с печеньем. Я могу есть много сдобного теста и не толстеть.

Да, я хочу, чтобы в беде я была спасена героем. Это мечта каждой женщины!

Сейчас я нахожусь дома, потому что слегка простыла. В Караганде погода может измениться даже быстрее, чем в городе Оклахома. Разница температур в день иногда 15 градусов Цельсия!

Я с удовольствием читаю Ваши письма, они такие веселые и романтические.

Буду рада, если мы сможем поговорить по телефону.

Светлана.

8 марта 2002 г., 13.14

(текст на открытке с розами)

Счастливого Женского дня, мисс Светлана! Сегодня Вам полагаются розы...

Когда я позвоню по телефону, то, пожалуйста, помни, что мы должны быть очень терпимы, поскольку мы можем не найти те слова, которые захотим сказать. А это раздражает и злит. Если ты разозлишься, вслух посчитай до десяти по-русски – это я пойму, потом я скажу «пппррриивееееет!», и ты решишь, что я псих, и мы рассмеемся.

Но если ты прилетишь сюда или я туда, то мы выучим язык очень быстро. А потому просто улыбайся в телефон, и я все пойму.

Надеюсь, ты чувствуешь себя получше и скоро мы будем пить кофе вместе.

Обнимаю и целую, Сэнди.

8 марта 2002 г., 20.21

Привет, Сэнди!

Вы удивили меня! Откуда Вы знаете про Женский день?! Этот день празднуют только у нас и в Китае.

Мне очень приятно Ваше поздравление. Правда, розами мне пришлось поделиться – розовую розу выбрала дочь...

Я уже чувствую себя получше и с удовольствием выпью кофе, но без сахара и без печенья.

Я никогда не пробовала знакомиться с американцами в Интернете. Я думала, что невозможно понять человека, если мы говорим на разных языках. И я все еще не могу себе объяснить, чем Ваша анкета привлекла меня. Прошли всего две недели нашего знакомства, а кажется, что я знаю Вас уже давным-давно. Это знакомство доставляет мне удовольствие, и я хочу, чтобы оно продолжалось, несмотря на мой плохой английский.

Мое имя «Светлана» происходит от слова СВЕТ. Мои друзья часто называют меня не Светлана, а Светик или Солнышко. Недавно они сделали фотографию, которую посылаю Вам.

*Жду с нетерпением Ваших писем.
Светлана.*

9 марта 2002 г., 15.36

I always need light.

Мне всегда нужен свет.

Привет, мисс Светлана!

Я счастлив, что тебе понравились розы. Иногда маленькие вещи имеют большое значение. Весной у нас бывает День матери; конечно, я куплю моей маме подарок и цветы. Большие всего ей нравятся желтые розы.

В нашей стране выращивание роз стало популярным хобби, и я тоже хочу посадить их и смотреть, как они растут. У меня уже есть один розовый куст, который я посадил 16 лет назад.

Я не удивился тому, что ты написала про американских мужчин и Интернет. И действительно, прошло всего две недели, а я чувствую, как наши отношения наполняются дружеским теплом.

Да, я знаю, что твое имя значит «свет», и мне нравятся твои фотографии, я должен благодарить за них твоих друзей. Надеюсь, что наше знакомство продолжится и осветит нашу жизнь. Я всегда нуждался и нуждаюсь в дополнительном свете, чтобы увидеть то, что мне нужно видеть. Мне сказали, что мое имя «Сэнди» на русский переводится как «Саша», знаешь ли ты происхождение этого имени?

Ты хочешь выпить со мной по чашке кофе? Мне кажется, что мы могли бы куда лучше обсудить вкус этого кофе, если бы были друг от друга на расстоянии сантиметра. Заодно ты попробовала бы вкус моего печенья.

Сегодня я проработал на ремонте своих квартир почти весь день, а затем поехал на свою основную работу еще на восемь часов. И так устал, что не могу уснуть и смотрю телевизор. Погода изменилась – было очень тепло, а теперь холодно и идет дождь, который подмерзает на тротуарах. Но холодно будет еще только два дня, а затем наступит тепло.

Обнимаю и целую, Сэнди.

10 марта 2002 г., 0.21

I seek for the hero.

Ищу героя

Привет, Сэнди!

Наверное, ты действительно сильно устал, твое письмо мне показалось грустным. Зато фото очень радостное, светлое. Сразу видно, что вы с дочкой любите друг друга. У тебя растет замечательная дочь! Многие думают, что отцы нужны большие мальчикам, чем девочкам. На самом деле девочкам они нужны еще больше, я знаю это по себе.

К сожалению, моей дочери не повезло с отцом – он совсем не уделяет ей внимания. Мы живем в соседних домах, а он ее не навещает, раз в год только звонит по телефону. Она плачет ночами от обиды, но это горе я не могу исправить.

Имя Саши сокращено от имени Александр. Имя моей дочери – Александра, и я, конечно, знаю его историю. Оно греческого происхождения и переводится как «защитник людей». Ты теперь понимаешь, что твое имя обязывает тебя быть героем?

Конечно, я хотела бы выпить чашку кофе с тобой! Я еще не знаю, что такое наше знакомство – подарок судьбы или западня. Но меня неудержимо тянет к тебе.

Мы живем в разных странах, говорим на разных языках, когда ты встаешь, я уже ложусь спать, но, несмотря на это, мне кажется, мы можем понять друг друга. И это меня радует!
Светлана.

10 марта 2002 г., 1.07

Мисс Светлана!

Да, я тебя понимаю. И я понимаю твою проблему с бывшим мужем...

Мое имя и вправду происходит от имени «Александр». В Шотландии это имя сократили в «Сэнди», а семья моей мамы родом из Шотландии.

Многие в США думают, что это имя женское – просто потому, что они не видят дальше своего носа. Но это уже другая история.

Я верю в собственную цель и предназначение и не позволяю другим людям определять мою судьбу. Иногда мое упрямство оборачивается слезами, но я выдерживаю и это. И со временем мы становимся сильней и счастливей.

Если ты позволишь нашим предназначениям соединиться, то ЭТО СЛУЧИТСЯ, потому что совместно мы сотворим жизнь.

Это нелегко, но к добру.

Новые мысли, объятия и поцелуи,

Сэнди.

Передай своей дочке мою любовь, мысли о ней и заботы.

10 марта 2002 г., 12.12

Wonderful.

ПРИВЕТ, СВЕТЛАНА, МЫ БЫЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫ!

Мы говорили по телефону!!!

Я понял, насколько это трудно, и ты это понимала.

Твой голос говорил мне о твоих чувствах. И я счастлив – ты звучала как прекрасная леди! Теперь я верю, что общение нам удастся.

Уж если мы смогли говорить по телефону – ты по-русски, а я по-английски, мы не разведемся никогда... Потому что никогда не поймем сути нашей ссоры.

В следующем телефонном разговоре я попрошу мою приятельницу Людмилу переводить нас. Она из Москвы, была замужем за американцем и развелась.

Я пытался сказать тебе, что со временем мы выучим русско-английский. И еще я хотел сказать: «Не беспокойся, будь счастливой!», это слова нашей популярной песни, которую, я уверен, ты слышала, – don't worry, be happy!

Впрочем, порой очень трудно быть счастливым, когда близкого человека нет рядом... Но такова жизнь, и мы должны улыбаться даже тогда, когда улыбаться не хочется.

Можешь сказать своей дочке, что, если мы с тобой полюбим друг друга, я не стану попусту тратить время и тут же заберу вас сюда. Я перечитываю твои письма снова и снова и вижу, что ты классная леди! Сегодня мы друзья, а завтра мы можем стать и друзьями, и супруги. Конечно, спешить нельзя, и мудро быть осторожным и осмотрительным, но если мы будем слишком осторожничать, мы можем упустить замечательный шанс повстречать лучшего человека своей жизни. Подумай об этом.

*С теплом, спокойной ночи и хорошего дня! Dobre dein!!!
Обнимаю, Сэнди.*

Мой кот ревновал меня, когда я говорил с тобой по телефону, и требовал, чтобы я поговорил и с ним.

10 марта 2002 г., 14.03

Привет, Сэнди!

Всего две недели назад я и не знала, что скоро буду думать о том, смогу ли я жить в Америке! Эти мысли меня и пугают, и радуют. Я радуюсь, потому что надеюсь быть счастливой. Я пугаюсь, потому что для этого нужно очень сильно изменить свою жизнь. Моя дочь оказалась смелее меня. Когда я прочла ей твои слова, Саши сразу взяла книгу, чтобы учить английский язык. А потом она стала думать, какие вещи она возьмет с собой в Америку☺.

Это знакомство похоже на сказку. И я хочу, чтобы у сказки был счастливый конец☺. А вот ее начало: вдруг зазвонил телефон. От неожиданности я не только английские, но и все русские слова забыла! Ты знаешь уже много русских слов и говоришь их правильно. Теперь я уверена, что ты реальный человек. И у тебя очень приятный голос. И ты мне нравишься все больше и больше.

Ты хочешь приехать в Казахстан? Или ты хочешь приехать в Россию? Мы могли бы встретиться в Москве.

Саши была восхищена, когда узнала, что у тебя есть кот. У нас тоже есть кошка, ее зовут Даша. Ей будет скоро (1 апреля) год. В доме теперь такая путаница! Я зову: «Даша, Даша!», а приходит Саши. Я зову: «Саши», и они приходят вместе, или никто не приходит, потому что Саши думает, что я зову Дашу. А как зовут твоего кота?

*Посылаю тебе фото моей дочери.
Обнимаю, Светлана.*

15 марта 2002 г., 9.56

Привет, Сэнди!

Несколько дней не получаю твоих писем – возможно, у тебя много дел. Поэтому я терпеливо жду. А пока расскажу о нашей жизни.

Я живу в маленькой квартире. Она находится на 10-м этаже. Я в шутку называю ее «пентхаус». Такие маленькие квартиры строились раньше в СССР, потому что были большие проблемы с жильем. У нас две маленькие комнаты. Они служат и спальней, и гостиной, и кабинетом.

Доход у меня небольшой, поэтому всегда приходится выбирать какое-то одно из множества желаний. Я отдаю предпочтение путешествиям. Каждый год мы с дочерью проводим отпуск в поездках. Правда, дальше пределов прежнего СССР мы не были, а насчет поездки в Америку даже не мечтали.

Я поднимаюсь утром в 6 часов. Мы с дочерью завтракаем и отправляемся по делам – она уходит в школу, и я иду на завод. Мой рабочий день продолжается с 8.00 до 17.00. Вечером я занимаюсь домашними делами. Саша помогает мне.

В городе началась эпидемия гриппа, и сегодня школы закрыли, объявили каникулы, Саша будет отдыхать 2 недели. Она решительно настроена переехать к тебе в Америку и думает, что ты этому будешь рад. С наилучшими пожеланиями, Светлана.

...Появление в зале этой девушки, Ольги Романовой, я до сих пор не могу осмыслить. Как она к нам попала? Как она прошла, если уже было оцепление в три кольца? Она зашла через центральный вход, чеченцы ее схватили, притащили и посадили рядом с Бараевым. Это было рядом с нами – он сидел в начале нашего ряда, а мы – я, Сэнди и Саша – в середине. Бараев начал с ней разговаривать. Она вела себя очень неадекватно. Бараев стал спрашивать: как ты прошла, зачем ты сюда пришла? Она говорила в оскорбительном тоне, просто пьяный бред несла. Ей начали кричать: «Тише, тише! Нельзя так!» А ее это еще больше заводит. «Да вы такие, да вы сякие, да мне ваши посты!..»

МАРАТ АБДРАХИМОВ, артист «Норд-Оста»:

Эта светленькая девушка заходит, открывает дверь. В куртке, беретке. «Чего вы тут устроили? Всех напугали!» «Кто ты такая?» – спросили. «Я тут все знаю! Я сюда в музыкальную школу ходила!» – «Ну-ка сядь, а то пристрелю». – «Ну и стреляй!» Вот тут они и переполошились...

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВ, один из авторов и продюсеров «Норд-Оста»:

Когда она появилась в зале, все были в шоке – как она сюда попала? Даже Бараев на время потерял дар речи от такой наглости. «Ты кто?» – только и смог спросить он. На девушку зашикали: «Садись немедленно, а то убьют». Но она была невменяема и, по-моему, сильно пьяна. Поперла на террористов, чуть ли не матом их крыла...

Ольга Черняк, журналистка Интерфакса:

...Зашла девчонка с короткими волосами, светлыми. Зашла и говорит: нечего вам их бояться, и все такое. Но террористы заявили: она – пьяная. Мол, точно так же было в Буденновске, тоже кто-то заходил пьяный...

Илья Лысак, бас-гитарист «Норд-Оста»:

Она просто шла на смерть – это мы все понимали. Она была очень пьяная. Оскорбляла их: «Ну что за маскарад! Что ты на себя напялил! Автомат, маску!» Тогда один сказал: «Расстрелять». Я слышал. А она: «Ну, давай-давай! Веди!» Люди вокруг: «Не надо, не надо...»

ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СТАРОДУБЕЦ и ее дочь КАТЯ:

Мы сидели на балконе, разговаривали с Асланом, чеченцем-террористом, спрашивали его: есть ли какой-то вариант мирного решения этой проблемы, чтобы и нас отпустили, и они уехали в Чечню? Он казался более разумным и контактным по сравнению с другими и, по-видимому, был помощником Мовсара: многие чеченцы у него спрашивали что-то, подчинялись ему. Ну и мы его спрашивали: а вы-то хотите вернуться живыми в Чечню? Он: «Это наше дело, не ваше». И опять про прекращение войны. Тут мы увидели, как вошла эта девушка, как она там себя вела внизу, и вдруг этот самый «разумный» Аслан крикнул с балкона: «Расстреляй ее!»

РЕНАТА БОЯРЧИК, 22 года, стриптизерша ночного клуба:

Я не слышала, что именно она говорила, но тон действительно был вызывающий. Чеченцы сказали, что если она будет продолжать так с ними разговаривать, то они ее просто расстреляют. Зал закричал: «Не надо! Не надо ее убивать!» Но они на весь зал громко объявили: эта девушка заслана спецслужбами, и ее надо расстрелять.

КАТЯ СТАРОДУБЕЦ, 20 лет, дочь ДАРЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ СТАРОДУБЕЦ (балкон):

Перед нами сидела женщина-журналист. Она была в Буденновске во время захвата больницы Басаевым. И она сказала, что наши спецслужбы действительно подсылали к ним своих людей. Что насторожило – эта девушка, которая пришла, она была не пьяная. Она была как бы под воздействием каких-то наркотиков. Пьяные шатаются, мотаются, и речь у них невнятная. А она сказала залу: «Что вы здесь сидите? Что вы их боитесь?»...

СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА:

С балкона крикнули: «Расстреляй ее!» И ее вывели за дверь...

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА, 19 лет, чертежница из Подлипков Московской обл. (партер):

Мовсар ее волок и кричал: «Нам эти штучки известны еще со времен Буденновска!» И за дверями раздались четыре выстрела. Зал замер в ужасе. Это был первый страшный момент. Мы с моим соседом Виктором непроизвольно схватились за руки...

Илья Лысак, 24 года, бас-гитарист «Норд-Оста»:

Я сидел рядом с этой дверью и видел все. Впервые на моих глазах кого-то расстреливали. Из «калашникова». С этого момента мы поняли, с кем имеем дело.

РЕНАТА БОЯРЧИК, 22 года, стриптизерша ночного клуба:

Мой друг-пограничник уже был на связи с «Альфой», посылал им сообщения одно за другим – сколько террористов, сколько из них мужчин, сколько женщин, какое у них оружие, какие мины, куда заложили. А про эту девушку он написал: «Первая жертва – 23.00. 4 выстрела».

ИЗ ПРЕССЫ (хроника)

23.00–24.00. Из ДК доносятся выстрелы. Специалисты ФСБ по переговорам с террористами пытаются вступить в контакт с бандой. Бандиты потребовали на переговоры президента Владимира Путина. Заявили, что в противном случае всех перебьют.

Заложники по телефону сообщают, что террористы заминировали все здание. Информация о том, что отпустили иностранцев, не подтверждается. В зале находятся более шестидесяти граждан других государств. Директор ФСБ Патрушев и глава МВД Грызлов доложили Путину о развитии ситуации вокруг Театрального центра и принятых мерах. В кабинете президента также находятся премьер-министр Михаил Касьянов и глава кремлевской администрации Александр Волошин.

Террористы объявили, что в случае штурма за каждого убитого или пострадавшего бойца их группы будут убиты 10 человек из зала.

Судя по звонкам на радиостанцию «Свобода», в Москве в квартиры чеченцев вламываются какие-то люди, забирают и увозят мужчин. Не исключено, что это самочинные действия российских национал-шовинистов, затевающих чеченские погромы. Или операция ФСБ.

В Театральном центре на Дубровке снова слышна стрельба.

В ЗАЛЕ

КАТЯ СТАРОДУБЕЦ, 20 лет, дочь ДАРЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ СТАРОДУБЕЦ:

К ночи чеченцы стали очень злые. То ли из-за убийства этой девушки, то ли уж не знаю... Но ощущалось, что они нарочно нагоняли на нас постоянный страх – специально стреляли, кричали. Эти очереди автоматные в потолок и куда-то еще... Страх накатывал при этих очередях такой, что я просто на пол бросалась. То есть это было бессознательно, буквально вот моментально – даже не пыталась себя сдерживать при этом.

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА, 19 лет, чертежница из Подлипок Московской обл. (партер):

На пол бросались все и, не знаю как, тут же втискивались под кресла, даже люди крупной комплекции. И мы с Виктором, моим соседом, лежали рядом, и, когда чеченцы стреляли, он до того сильно сжимал мою руку в кисти – у меня аж синяки появились...

СЕРГЕЙ ЛОБАНКОВ, режиссер по пластике, руководитель детской труппы «Норд-Оста» (балкон):

Примерно часа через три после захвата боевики на сцене снова стали стрелять в воздух и громко кричать. Террористы, которые охраняли зал снаружи, вбежали, передергивая затворы автоматов. Заложники попадали на пол, прикрываясь спинками кресел, которые успели за эти пару часов отвинтить. Шахидки при этом кричали, чтобы все встали, что кресла все равно никого не спасут.

Потом, когда все успокоились, боевик поднялся на сцену и сказал: «Можете отдыхать. До утра скорее всего ничего не будет. Считайте, что вы у нас в гостях». Кто-то громко крикнул: «Это вы у нас в гостях!», но ответной реплики не последовало.

ИЗ ПРЕССЫ

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» (постфактум):

Бараев по сотовому телефону позвонил в Катар Зелимхану Яндарбиеву, представителю Масхадова в мусульманских странах:

– У нас снаружи много камикадзе, которые готовы работать и ждут звонка. Около ста камикадзе... у них законные российские паспорта, московская прописка. Мы запустим второй этап, и тогда они увидят, что мы здесь готовы ко всему.

Насчет «ста камикадзе» Бараев рисовался. Но несколько смертников действительно были. Ночью Ясир (Абу Бакар)² позвонил по мобильному Ахъяду Межиеву³:

– Почему нет свадьбы?

«Свадьба» – кодовое слово для обозначения второго этапа теракта. Имелись в виду женщины-бомбы. Их еще называют «невесты Аллаха». Вот потому и «свадьба».

Шахидки сидели в одной из съемных московских квартир и ждали, когда за ними приедут.

Межиев... после звонка посадил двух чеченок-шахидок в свою машину и поехал в центр столицы. Долго колесил по городу – выбирал, где побольше народу. В итоге остановился у кафе «Пирамида» на Пушкинской площади. Здесь всегда многолюдно. «Невесты Аллаха» должны были подорвать себя в толпе...

ИЗ ПРЕССЫ (хроника)

00.05–00.45. Внутри здания вновь раздаются автоматные очереди. Представитель ГУВД сообщает, что террористы угрожают взорвать здание, если начнется штурм. В связи с угрозой взрыва сотрудники силовых структур расширяют кольцо оцепления, освобождая от людей пространство, которое может оказаться в зоне огня. С улицы Мельникова начинают убирать машины. Пожарные раскатывают рукава для подачи воды на случай пожара в ДК.

Депутат Госдумы от Чечни Аслаханов связался по телефону с террористами.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Асламбек Аслаханов:

В штабе, который был наспех создан в помещении госпиталя для ветеранов, мы пытались анализировать, что и как. Сколько человек в банде, кто возглавляет, какие задачи ставит, какое там количество людей? Это сейчас фантазия у многих работает, говорят, что боевики до захвата два месяца в ДК работали, выучили все входы и выходы и т. д. Но то, что поначалу люди уходили оттуда через служебные выходы, окна и подземные коммуникации, свидетельствует, что это досужие вымыслы. Только когда журналисты начали показывать, что вот, люди сбежали из ДК через этот вход, – а террористы ведь тоже смотрели программу, – они немедленно перекрыли этот путь.

Потом мне сказали, что из ДК идут телефонные звонки, заложники по мобильным разговаривают с родственниками, а информация от родственников стекается в штаб. И естественно, ФСБ уже развернуло свою аппаратуру, стали прослушивать все телефонные звонки в этой зоне. И картина начала вырисовываться. Сколько их, во что одеты, какое количество вооружения, чем обвязаны, какой взрывчаткой и т. д. Я попросил: «Дайте мне номер телефона любого, кто сидит в зале, я хочу позвонить боевикам». Мне говорят: «Нет, вам этого делать не нужно». – «Почему?» Мне объяснили. Оказывается, там уже был такой случай. Кто-то из московских чеченцев позвонил своей девушке, которая была в зале. А боевики у нее забрали телефон, сами ответили на звонок. Он просит: отдайте телефон моей девушке, я хочу с ней поговорить. А они отвечают: «Ты, по акценту, чеченец?» – «Да». Ну они на него и наехали: «Ты козел! И все вы козлы московские, предали чеченцев и сидите в Москве, когда мы там гибнем! Мы захватили этот «Норд-Ост», и ты свою сучку можешь уже не увидеть!» Поэтому, мне сказали, вам не нужно туда звонить.

Но я настаивал, мне дали длинный номер, который начинался с 8-902, и я тут же позвонил. Прямо из штаба. Ответила девушка, я сказал: пожалуйста, передайте трубку старшему

² Ясир, он же Абу Бакар, он же Руслан Абу-Хасанович Эльмурзаев, профессиональный подрывник, правая рука Бараева. По другой версии, истинный руководитель захватчиков «Норд-Оста».

³ Ахъяд Межиев – московский чеченец, завербованный Ясиром летом 2002 года, за несколько месяцев до захвата «Норд-Оста».

из боевиков. Она говорит: «Мы не знаем, кто старший». Я говорю: «Ну, любому из боевиков дайте». Она дала. Взял молодой человек: «Слушаю. Чего тебе?» Я говорю: «Я Аслаханов, вы меня знаете?» – «Не знаю». – «Ну, старшему передай, он меня знает». И вдруг слышу, как он кому-то говорит: «Эй, какой-то мусор Аслаханов с тобой хочет говорить!» Тот взял трубку. Я говорю: «Я такой-то. Ты, наверное, слышал». – «Да». Ну и я по-чеченски стал ему говорить: «Что вы делаете? Вы что – приехали с женщинами, с детьми воевать? Это против всех чеченских законов! Вы весь наш народ позорите! Немедленно отпусти детей и женщин! Говори свои условия, что ты требуешь, но сначала отпусти всех детей и женщин, а потом начнем переговоры!» Но он стал хамить, как и с предыдущим чеченцем. Снова: мы шахиды, а вы козлы, вы в Москве сидите, когда мы там погибаем... И я сорвался. Со мной никто никогда таким тоном не разговаривал, у нас вообще не принято старшим грубить ни при каких условиях. Я говорю: «Ты еще сопляк со мной разговаривать таким тоном! Если ты думаешь, что я тебя боюсь, давай я приду туда! У тебя оружие, а не у меня. Или даже с безоружным вы встречаться боитесь?» Вот такой был разговор. А в конце я сказал: «Вот мой мобильный телефон, запиши и перезвони мне, когда остынешь. То, что ты делаешь, – это страшное, чудовищное преступление, никогда тебе Всевышний не простит этого».

Тут Ястржембский мне говорит: «Было бы хорошо, если бы ты обратился к московским чеченцам, чтобы они пришли сюда и оказали помощь». И мы вышли к телеканалам, я выступил, сказал: «Прошу чеченцев, всех, кто может! Подъезжайте сюда, чтобы остановить это чудовищное преступление!..» И буквально через тридцать – сорок минут все известные и неизвестные чеченцы были там – Хаджиев, братья Джабраиловы, Бажаевы – ну, многие. И стояли всю ночь, их в штаб не пропускали, они говорили: мы предлагаем свои жизни. Пустите нас в заложники. Если должна пролиться кровь, то мы хотим, чтобы первой пролилась наша, чеченская, кровь. Потому что иначе, мы знаем, после штурма «Норд-Оста» начнутся массовые погромы чеченцев по всей России. И в Чечне начнется настоящий геноцид, истребление нашего народа. Поэтому мы должны войти в зал в обмен на заложников...

А я все ждал звонка от Бараева. Время шло, но он не звонил...

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ВЕРЫ И СВЕТЛАНЫ

Здравствуйте, Светлана.

Почти пять месяцев прошло после тех событий, а для меня все это как вчера. Все та же боль, тот же кошмар.

Я смотрю на людей, на весну, на счастливые лица... И когда кто-то мне улыбается, просто опускаю глаза. Потому что я не могу разделить ничью радость...

В России об этом вспоминать «не модно», не любят это руководители. Уже раздали награды – пора обо всем забыть. Теперь Путин клеймит Буша, хотя то же самое творится в Чечне.

Да, да, да. Я с ужасом смотрю на новое «шоу» в Ираке и просто шокирована...

Здравствуйте, Вера.

Мне кажется, что наши судьбы несколько похожи, и не только трагичностью. Если я правильно поняла, Вы не чеченка. Во всяком случае, мне так показалось из Ваших писем. Могу я узнать, как вы с Мовсаром познакомились? И какой он был?

Здравствуйте, Света.

...Да, вы правы, я не чеченка, мои дальние родственники наполовину чеченцы, а я сама русская, хоть и знаю немного чеченский, но только благодаря Мовсару.

Мы познакомились... Вряд ли Вы мне поверите, хотя... Я ничего не теряю, рассказав Вам эту историю...

Я ехала в институт, до занятий была еще пара часов, и зашла в кафе выпить кофе. А он там сидел и что-то ел. Вполне нормального вида, а не так, как в Москве представляют всех чеченцев – заросших, в камуфляже и с автоматом. Абсолютно без автомата, не заросший, в джинсах и в обычном свитере. И мне пришлось сесть за его столик – мест не было, а он сидел один. Я сидела со своим кофе и внимания на этого парня не обращала. Ну мало ли кто там сидит...

Потом, правда, поговорили – так, между прочим, и он собрался уходить, попросил телефон. Я ему номер своего сотового оставила и забыла про это. Не впечатлил он меня с первого раза, никак не впечатлил.

Месяца через два, вечером, зазвонил телефон, определился какой-то странный номер, я ничего не поняла, но трубку взяла. «Привет, это Саша». (А он мне сказал тогда, что его зовут Саша.) Ну, поговорили немного. «Хочешь, – говорит, – я приеду?»...

Часть вторая СТРАХ, ПЕРВАЯ НОЧЬ

«Все прекрасно понимали, что это такое, когда над тобой пистолет...»

В ЗАЛЕ

ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СТАРОДУБЕЦ:

В первую ночь они были очень уверены в себе. Это чувствовалось. Они нисколько не сомневались, что их план удастся. То и дело заявляли: «Либо умрем, либо победим!» Но были уверены именно в победе, говорили, что давно готовились к захвату, собирались эту акцию приурочить ко дню рождения Путина, но малость задержались. И все время переговаривались по сотовым телефонам...

На балконе нас постоянно охраняли десять человек. Четыре женщины и шестеро мужчин. Другие приходили и уходили. Главарь Бараев был все время внизу, в партере, и, как мне показалось, там было страшнее – там чаще стреляли. А из наших охранниц только три были в масках. Амина – самая молодая, лет 16, с открытым и каким-то очень детским лицом. В черной одежде и в черном платке, прикрывавшем лоб. Но она была и самой жестокой. Нас бандиты сами предупредили: «Она, мол, воспитана в мусульманском духе, ярая исламистка. Дадут приказ взорвать, выполнит сразу. И это будет для нее счастьем». Она, даже когда в туалет нас водила, пистолет всегда держала наготове.

ИЗ «КНИГИ ДЖИХАДА» И ДРУГИХ УЧЕБНИКОВ ТЕРРОРИСТОВ:

«Мы должны любить ради Аллаха и ненавидеть тоже ради Аллаха».

«Любовь к мусульманам и ненависть к кяфырам должна быть ясна для каждого».

«Ислам запретил быть похожими на кяфыров... Аллах говорит, что кяфыры хуже, чем звери».

«Аллах повелел соблюдать обряды. В том числе приказал исполнять обряд джихада – поклонение Священной войне».

«После слов «Нет Божества, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк его» идет обязанность джихада...»

«Мы – террористы, и террор считается обязательным фарзом по книге Аллаха и Сунне Пророка. Пускай узнает Запад, что мы – террористы, что мы – сияющий страх».

«Террор является фарзом в религии Аллаха. Пугать – тоже фарз».

«Каждый мусульманин – террорист. Если он не устрашает врага, то он не находится на верном пути».

«Мы грубые, мы дикие. Чем больше будем дичать, тем ближе будем к правильному пути».

«Воевать против христиан и иудеев – обязательно в религии Аллаха».

«Верующие, воюйте с теми из неверных, кто близки к вам, чтобы они знали вас, вашу жестокость».

ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СТАРОДУБЕЦ (продолжение):

Старший в этой группе был Аслан. Он тоже ходил без маски. Мы его спрашивали: «Откуда ты?» Он отвечал: из Грозного. Еще я запомнила, что одну женщину звали Айшат, вторую – Сальва или Сельва. Среди мужчин был некто Рашид. Остальных по именам не запомнила. Все террористы молодые – лет по 20, и все из Чечни. Только один был постарше, лет за 30. На нем были очки, похожие на те, в которых в бассейнах плавают. А сверху надета маска.

У кого-то было закрыто все лицо, у кого-то только нос и подбородок. Когда нас всех поделили – женщин посадили справа, а мужчин слева, они принесли по плитке шоколада на ряд. Мы по кусочку и делили. Сок тоже по литру на ряд. Глоточек за глоточком пили. Детям боевики раздавали мороженое. Причем и шоколад, и воду раздавали только мужчины. А у женщин руки все время были заняты: в левой – граната, в правой – пистолет. И палец постоянно на спусковом крючке. Даже когда они спать ложились – а они по очереди укладывались спать на полу, – палец так на курке и оставался.

ВИТАЛИЙ ПАРАМЗИН и АНЯ КОЛЕЦКОВА:

Шахидки спят – в одной руке у них пистолет или граната, а в другой руке эти проводочки с выключателем. Она спит, и мы видим на выключателе палец. Думаем – сейчас уснет и...

Одна из чеченок вдруг чихнула, и те из нас, кто сидел впереди нее, все быстренько упали на пол. Одна чеченка говорит другой: «Как вы, девки, народ запугали! Чихнула – все сразу попадали!»...

КАТЯ СТАРОДУБЕЦ:

Я разговаривала с женщинами-камикадзе. Одна из них контролировала наш ряд. «Я не хочу умирать, но готова это сделать ради идеи», – сказала она.

Илья Лысак:

Женщины-камикадзе говорили: «Нам без разницы, где умирать. Нас или там убьют, или здесь». У них и плакат такой висел: «Две дороги: либо смерть, либо свобода!» Они этот плакат развернули еще до того, как нас из оркестровой ямы вытащили. Для кого был этот плакат, не знаю – он был написан не по-русски и не по-чеченски, а по-арабски. То есть не для нас и не для них. Может, для арабского телевидения? Или среди них были арабы? Но они нам перевели: смерть или свобода! Я стал смотреть, кто есть кто: вот этот – буйный, может пристрелить сразу, а тот – помягче, можно поговорить. Одна террористка сказала, что у нее дома годовалый ребенок и что она сюда «не умирать приехала, а добиться свободы своей земли». Потом посмотрела на зал, на нарядных людей, на сцену и сказала: «Вот вы тут веселитесь, а мы уже восемь лет ничего подобного не видим».

Рядом со мной сидел парень из нашей технической службы, он все трое суток спал – не то нервная система такая, не то успокоился после того, как чеченцы ему тысячу долларов вернули. Сначала они у него забрали телефон и деньги, а потом пришли и вернули. Сказали: «Вот твоя тысяча долларов».

НАТАЛЬЯ Н.:

Эти исламские женщины стали нам объяснять, почему они здесь. Мол, русские убивают там наших детей, мужей. Им ничего не остается, как поступить с нами так же. И они готовы на смерть. Они пришли сюда умирать, поэтому никакой пощады не ждите. Если ваше правительство не пойдет на уступки и начнется штурм, то они нажмут кнопки и все взорвут. Можете лезть под кресло, накрываться сиденьями – это не спасет. Они настроены очень решительно.

Телефоны заставили бросить в проход между рядами. Я никак не могла понять, с какой радости я должна расстаться со своим телефоном, швырнуть его на пол. А Гоша оценил обстановку, швырнул свой телефон и мне говорит: «Бросай!» Я говорю: «Не буду я бросать! Мне должны позвонить». – «Бросай быстрее!» Тут они объявили: если мы не будем подчиняться, будут расстреливать. Бросила я свой телефон, они говорят: сумки тоже! Побросали сумки. Они заявляют: будем проверять паспорта. Тогда надо было бы возвращать эти сумки, ведь женщины все документы носят в сумках. Но тут у них другая идея возникла: срочно отделить мужчин от женщин. Скомандовали: женщинам сесть в левой стороне балкона, мужчинам – в

правой. Зачем это они сделали, я не знаю, ведь мужчины, если собираются все вместе, то это, я считаю, дает им возможность принять какие-то мужские решения. А когда женщина рядом с мужчиной, то она может остановить его от необдуманных поступков.

Поэтому, когда я уходила от Гоши, я просила его ничего не предпринимать.

После того как они нас рассадили и поняли, что все под контролем, они нам разрешили позвонить родственникам. Но не со своих мобильных, а с тех, которые лежали в проходах. Я попробовала позвонить мужу на его сотовый, у меня ничего не получилось. И никто не мог никуда дозвониться, не было связи. Может быть, шло погашение сотовой связи, может, ФСБ сотовую подстанцию отключила – не знаю. Меня вдруг осенило, я решила позвонить через 8-095 – и прорвалась к сестре своего мужа, сказала: «Оль, я в “Норд-Осте”». Она говорит: «Я уже знаю». Я говорю: «Мне надо, чтобы кто-то срочно ехал к детям, потому что дети одни». Тут все стали звонить через 8-095 и кричать родственникам: деньги там-то и там-то – в шкафчике, в матрасе, в банке с перловкой! Короче, все начали перечислять, у кого где что лежит. Я думаю: а Гоша дозвонился к себе домой? Хотя ему-то туда звонить, может, и не стоило – у него там жена с двумя детьми. Вот, думаю, ситуация, блин, – человек, можно сказать, первый раз в жизни сходил налево, а попал в «Норд-Ост»!..

Елена Ярощук, туристка из Луцка, Украина:

Когда люди звонили, можно было узнать о чем угодно: одни рассказывали, где у них спрятаны деньги, другие составляли завещания, третьи просили присмотреть за их детьми, некоторые просто прощались и извинялись перед теми, кого обидели.

ВИТАЛИЙ ПАРАМЗИН:

Нас с Аней тоже рассадили. Я остался в левой части балкона, с мужчинами, а Аню отсадили в правую, к женщинам...

АНЯ КОЛЕЦКОВА:

Это мы пришли на мюзикл отметить годовщину нашего знакомства. И так вот отметили...

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА:

Мой сосед Виктор пытался дозвониться своим родителям, но на его мобильнике все время возникала надпись: «Нет связи», «Нет зоны покрытия». Он нервничал, тряс трубку, двигал ею из стороны в сторону, потом предложил мне позвонить моим родителям. Но у меня дома нет телефона...

РЕНАТА БОЯРЧИК:

А у нас была такая ситуация. Мы с Алексеем, моим пограничником, сидели рядом. Он сидел лицом к сцене, а я сидела боком и обняв его за плечи. Потому что к этому времени уже приказали все телефоны и сумки побросать в проход, иначе – расстрел. Но Алексей телефон не выбросил, а продолжал посылать сообщения – какие бомбы террористы установили, где и как их соединили, где в стенах заложили взрывчатку, как по залу расселись. Он считал, что штурм будет с минуты на минуту, и все время посылал эти сообщения как в лихорадке. А я его прикрывала – обнимала, чтобы соседи не видели, чем он занимается. И один из террористов подумал, что мы целуемся, подошел и, пригрозив нам автоматом, крикнул: «Что вы там делаете?» Я, честно говоря, в эту минуту от страха вся сжалась. Потом медленно повернула голову и увидела, что он смотрит на нас. Алексей, конечно, свой телефон одним пальцем – раз, и в рукав пиджака послал. А я сказала: «Н-н-ничем н-не занимаемся, про-просто сидим» – и заставила себя отвернуться от этого террориста. Он, видимо, оскорбился. Потряс

этим автоматом и сказал: «Мадам! Я вам сейчас мозги размажу! Ну-ка сядьте нормально!» Я подумала: «Мне мои мозги еще пригодятся. Зачем их размазывать?» Сняла руку с плеча Алексея и выпрямилась. А террорист посмотрел грозно и ушел. И только тут до меня дошло, что, елки-палки, я же вот сейчас, в этот момент, могла просто погибнуть. Просто погибнуть. И не то чтобы вся моя жизнь, как это пишут в книжках, пронеслась перед моими глазами – нет, а вот одна мысль как-то сразу возникла: почему я с Алешей не побыла? Он же меня так добивался, он ко мне из Вологды приезжает, а я «нет» да «нет», держу его в предбаннике в расчете на свадьбу, скрываю, чем я занимаюсь, и вру, будто я администратор в казино при ночном клубе. А теперь – нате вам, эти чеченцы! А если, не дай Бог... а если это конец нашей жизни? Если это мой последний мужчина?

Прислонилась к Алеше, взяла его под локоть и чувствую – такая вдруг волна пошла снизу живота вверх, такая горячая волна – ну просто улет, прямо вот сейчас бы, при всех, ему отдалась и ни секунды бы никого не постеснялась. Но ведь чеченцы не дадут, расстреляют, гады!

Алексей тоже меня почувствовал, поймал эту волну, что ли, положил мне руку на колено и говорит: «Дура ты, дура!» И вздохнул. И так он вздохнул, что у меня от чувства вины все опустилось и даже – слезы из глаз. Тут он достал свой телефон и сказал: «Ладно, чего уж тут...» И стал опять свои сообщения писать. А я сидела рядом, закрыла глаза и твердила сама себе: «Боже мой, какой парень! Все, если выживем... если только выйдем живыми отсюда, отдамся ему в первой подворотне, да просто на улице, даже под дождем!»...

МАРАТ АБДРАХИМОВ:

Все прекрасно понимали, что такое, когда над тобой пистолет. Мне ничего не оставалось, как молиться. Я молился, держась за руки с соседями. Мы просто молились всем святым, которых знали. Просили их о чуде. Рядом со мной сидела стюардесса «Аэрофлота», ей было очень плохо, я держал ее за руку и пел песню из нашего мюзикла: «Я верю, я надеюсь, я люблю, и смерти я тебя не уступлю...» А когда людей поддерживаешь, то и себя вытаскиваешь.

ЗИНАИДА ОКУНЬ:

Конечно, террористов мы боялись, это само собой. Но больше всего боялись бомбы, которая в центре зала была установлена. То есть буквально в трех метрах от нас. Они очень быстро принесли эту бомбу, установили ее. Чеченка, которая бомбу охраняла, прямо за нами сидела. Когда иностранцев пересаживали отдельно от русских, мы с Аллой Петровной пересели подальше от сцены, в восьмой ряд, а бомба была в девятом ряду. И чеченка, которая возле этой бомбы сидела, она с нами очень хорошо разговаривала, даже разрешала нам в туалет ходить без очереди. Зато очень большая агрессия исходила от чеченцев, которые были на сцене. Не по отношению лично ко мне, а по отношению ко всем, кто сидел в зале.

АНАСТАСИЯ НАХАБИНА:

Периодически они включали нам радио, и мы слышали, что говорят в СМИ по поводу нашей ситуации. Но информация была либо устаревшая, либо крайне негативная в отношении террористов, и для нас это было плохо, накаляло обстановку. Например, говорили, что нас не кормят, не поят, что заложников избивают. Террористов это злило. К тому же все в этом мире относительно, и, скажем, кормление шоколадом и конфетами можно, конечно, назвать отсутствием нормального питания. Но с другой стороны, в той ситуации особого чувства голода не было ни у кого. Зато после таких сообщений по радио они эти конфеты стали не раздавать, а швырять. А что касается воды – то воды было достаточно. Виктор запасся большой, из-под кока-колы, бутылкой, и вода у нас была всегда...

СЕРГЕЙ ЛОБАНКОВ:

На балкон они из операторской комнаты принесли телевизор, подключили его и стали смотреть выступление какого-то высокого чиновника, который сказал, что если чеченцы отпустят заложников, то им даруют свободу и жизнь. А рядом стояли девушки-чеченки, и одна другой говорит: «А тебе нужна такая жизнь, если тебе ее подарят?» А та: «Мне такая жизнь?! Да это будет подарок судьбы, если я умру сейчас за Аллаха!»

Павел Ковалев:

«Мы закидаем вас гранатами, если будет штурм», – внушали они. Что ж, буду следовать обстоятельствам. Я тут не один, внимания к себе привлекать не нужно, и без меня герои найдутся. Они нашлись – мужчина наискосок от меня не захотел поднимать руки за голову. Удар прикладом – и он, окровавленный, падает в кресло, ухо наполовину оторвано.

В разных местах зала эпизодически возникает паника, крики.

Нас рассаживают – мужчин и женщин отдельно. С одной стороны от меня оказывается парень интеллигентного вида, с другой – один из мальчишек-актеров. У мальчишки тихая истерика, он спрашивает срывающимся голосом: «Может, отпустят детей?» Лицо бледное, руки трясутся. Следующий в ряду – плотный мужчина. Судя по импозантному виду, явно из актерской среды. Потом выясняется – это Александр Карпов, бард, автор переводных текстов к мюзиклу «Чикаго». Кроме него, в зале еще несколько «чикагцев».

У меня под ногами обнаруживается большая бутылка воды. Понятно, что сидеть придется как минимум сутки, потому что каждый глоток ценен, как в пустыне.

Часа через полтора разрешили руки опустить.

Алла Петровна, подруга Зинаиды Окунь:

Рядом с нами сидел Васильев. У него в ухе был наушник. Он его рукой прикрывал и тихо, шепотом куда-то передавал, сколько боевиков, сколько среди них женщин, где они находятся. Мы с Зиной все у него спрашивали: если они будут стрелять, обвалится потолок? Он нам: нет, это фальш-потолок. Тут они поставили на сцену стул, к которому была привязана бомба. И эта бомба была мне буквально в лицо направлена, я сидела и думала: «Как же хорошо, что я сижу как раз напротив нее. Когда будет взрыв, мне не руку-ногу оторвет, а сразу погибну».

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВ:

Я был единственным человеком, у которого была постоянная возможность говорить с захватчиками. По той причине, что они во мне постоянно нуждались. Скажем, начали дымиться и гореть светофильтры, пошел запах горелого, люди перепугались. Террористы сначала храбрились, но я им описал, как это страшно, когда горит театр, и что они даже не успеют выдвинуть свои политические требования и погибнут бессмысленно вместе со всеми за несколько минут. Под этим прессингом удалось выбить из них рацию, у меня появилась связь с нашими людьми внутри театра, я даже смог на некоторое время связаться с людьми, находившимися вне здания...

СВЕТЛАНА ГУБАРЕВА:

Когда нас пересадили к иностранцам, мы сидели как раз напротив боковых дверей на 1, 2 и 3-м местах. А рядом с нами сидела женщина и тихо кого-то материла. Конечно, Сэнди русского мата не понимал, но все-таки... Я говорю ей: «Кого вы так?» Она говорит: «Да наших! Я тут сижу с самого начала, чеченцы периодически выглядывают в эти двери, а там окно разбито на улицу. И в один момент они увидели там газовый баллон красного цвета, которого раньше не было. Понятно, что ниоткуда он не мог там взяться». В итоге боевики стали в эти двери все время постреливать. Стреляли короткими очередями – откроют, посмотрят и на всякий случай пальнут. А там, снаружи, тоже была стрельба, и нам сказали, что сидеть у этих дверей

опасно, пересадили в глубь зала. А вглубь – это как раз где был самый большой фугас в центре зала, в 9-м ряду. Мы сидели в 11-м ряду, и я чувствую, что этот фугас – опасная штука, и все на него кошусь, кошусь. А рядом с фугасом сидела чеченка, охраняла его. В руках у нее, помимо взрывателя, были еще спички, а на подлокотнике была прикреплена свечка. Заметила, что я все время кошусь на фугас, и говорит: «Ты его боишься?» Я говорю: «Да, боюсь». «Не бойся, – отвечает. – Не думай, что тебе от него достанется больше, чем кому-нибудь другому. Этой штуки хватит на три таких здания».

В какой-то степени это меня успокоило – теперь можно было не искать себе убежища. Но когда появилась возможность слинять оттуда, мы все равно к началу ряда передвинулись.

Тут Бараев прошел мимо нас, сел за нами, и мы имели возможность с ним говорить. Вообще дистанции начальник – подчиненный он не держал. К нему любой человек мог подойти и поговорить, если он был в зале. Естественно, вопрос: почему нас? Он сказал, что война в Чечне длится уже много лет, каждый день там гибнут люди, и что их требования – остановить эту войну. Женщины стали спрашивать: «А почему нас, слабых? Почему бы вам не захватить Думу?» На это Бараев сказал, что Дума себя хорошо охраняет, но мы согласны поменять на каждого депутата десять заложников, если кто-нибудь из них изъявит желание прийти сюда. Конечно, люди по мобильным телефонам тут же сообщили об этом своим родственникам. Но потом я по радио слышала, что какие-то депутаты предлагали себя в обмен на заложников, а их не взяли.

Сэнди с Мовсаром не разговаривал. Точнее, Сэнди сказал ему что-то по-английски, но тот ответил, что английский не понимает, пусть говорит по-русски. Поэтому разговор вела я. Бараев сказал: чтобы не было никаких прецедентов, отпускать будем только с представителями посольств. Я встала, нашла мобильник, и Сэнди стал звонить в свое посольство. Но туда даже в дневное время дозвониться почти невозможно. Не знаю, как он туда пробился, но кому-то он все-таки объяснил, что его паспорт лежит в гостинице «Измайлово», в нашем номере, в сумке. А наши с Сашей документы находятся в консульской службе. Мол, если они все эти документы привезут утром к «Норд-Осту», то нас выпустят. И при этом все время твердил им: «My wife Svetlana, my daughter Sasha». И держал мою Сашу за руку – все время, не отпуская.

Я смотрела на них и думала, когда же он успел стать ей отцом...

...Самолет из Караганды был в семь утра, из дома в аэропорт мы уезжали где-то в три ночи. То есть ночь была совершенно бессонная, я страшно нервничала, поскольку виртуальное знакомство – это одно, а реальное – это совсем другое. И все были мысли: куда тебя несет?

Сумки, чемоданы, посадка в самолет, три часа полета, и мы в Москве. Саша в дороге дремала, а я нет, все терзалась – куда лечу? Зачем?

Правда, Сэнди писал, что если он мне не понравится, то я могу совершенно свободно развернуться и уйти.

Прилетели в Домодедово. Из-за разницы во времени в Москве снова семь утра. Я с этими сумками тащусь, ищу, как доехать до гостиницы «Украина». Оказалось, можно на маршрутке до метро, потом на метро до «Киевской», а от метро, сказали, «Украина» в двух шагах.

Только начало июня, а в Москве уже жарко. Я замотанная, не выспавшись, немытая – ужас! И в таком виде – на первое свидание! С американцем!

Дотащились от метро до гостиницы. Ну, Саше, как ребенку, ничего, ей все было интересно, она головой во все стороны крутит. А я через двери прямо в холл и стремительно вперед – сама не знаю куда. И вдруг слышу откуда-то сбоку и уже сзади:

– Светлана!..

Оказывается, там, когдаходишь, слева есть ювелирный магазинчик. И Сэнди там стоял, ждал нас. Я, как его увидела, бросила эти сумки и с такой радостью кинулась ему на шею – сама от себя не ожидала. И с этой минуты я ни разу ни о чем не пожалела. Он такой крупный, большой – у меня с первой секунды возникло ощущение, что теперь – наконец! – у меня есть защита. Ведь я восемь лет живу одна, а воспитывать ребенка одной женщине куда как непросто. Но теперь... Господи, какой это кайф для женщины – почувствовать, что у нее есть защита! Это чувство постепенно появлялось у меня еще во время нашей переписки с февраля по июнь, но я боялась поверить в это, боялась обмануться, ошибиться. А нынче, после нашей встречи, реальность стала буквально замечательной. Не знаю, как зарождается любовь у других – говорят, каким-то импульсом, искрой, – но ко мне она пришла именно в эти дни и именно от этого ощущения Сэнди как моего мужчины-защитника... В его присутствии я как-то разом освободилась от этого постоянного груза стопроцентной ответственности за каждый свой шаг, каждое решение – он так легко, играючи, брал это на себя, что от его постоянных «no problems», «fine», «take it easy, my dear» я просто молодеда, просто молодеда...

Конечно, первые день или, может быть, два дня я еще чувствовала, что меня изучают. Но потом... Хотя нет, смешно, весело нам было буквально с первой минуты. Я пыталась говорить по-английски, он пытался говорить по-русски. Мы ничего не понимали, потому что нацарапать какую-нибудь фразу по-английски я уже могу, но произнести...

Поднялись в наш номер на двадцатый этаж. Я ушла в душ, оставила Сэнди и Сашу вдвоем. А когда вышла из душа, смотрю: он показывает ей приемы дзюдо, у него, оказывается, по дзюдо черный пояс. И Саша до того быстро выучила какой-то прием – буквально назавтра, когда Сэнди стал снова показывать Саше приемы дзюдо, она бросила его через себя на ковер, и они оба хохотали, как дети!

Очень оказался жизнерадостный человек. За день перознакомился со всей гостиницей и всем – и уборщицам, и администратору, и официантам в ресторане – меня представлял и хвастал: «Смотрите, какая у меня жена красавица, какая она замечательная, я так счастлив!»

И всю неделю, на которую он прилетел в Москву для нашего знакомства, мы просто бродили по городу, катались по Москве-реке, на метро, на троллейбусах. В Америке, оказывается, нет троллейбусов, а в Оклахоме нет и метро. И все трое мы были совершенно счастливы. Саша его сразу приняла, про меня и говорить нечего, а Сэнди вообще все нравилось в Москве, он со всеми пытался говорить по-русски. Мне он привез электронный японский переводчик, а второй такой же был у него с собой. Набираешь текст и тут же получаешь перевод. И еще Сэнди очень много фотографировал – здания, памятники, мосты.

Как-то зашли в храм Василия Блаженного, а там есть такой аттракцион: монетку прокатывают под прессом с каким-нибудь видом Москвы, и получается эдакий сувенир. Бизнес на этом там замечательный делают, но у женщины, которая им управляет, было такое выражение лица, как будто она нас всех ненавидит. Я взяла монетку и говорю Сэнди: «Иди прокатай, это же интересно». А он: «Не пойду, там нехорошая женщина

сидит». То есть и в этом они оказались очень схожи с моей дочерью, у Саши тоже обостренное чувство добра и зла.

При том он не был экстравагантен, как многие иностранцы. Нет, он был просто веселый и жизнерадостный человек. Ну например, мы привезли ему в подарок казахскую чабанскую войлочную шапку. Так он ее с ходу надел и так ходил по Москве. Как казах. Или заходим в обменный пункт. Там сидит женщина, затюканная, как обычно. Он ей говорит: «Привет!» Она с квадратными глазами отрывается от дел, смотрит на него – не понимает. Он ей опять: «Привет!» По-русски. И улыбается. А она с ним не здоровается, хотя и видит уже, что иностранец. А все равно смотрит на него как на психа. Москвичи вообще особый народ. Они горды тем, что родились в Москве. Это они считают своим основным достоинством.

В один из вечеров мы пошли в дельфинарий. Саше очень понравился дельфинарий, мне тоже. Там не только представление, но и поплавать можно с дельфинами. За отдельную плату. Сэнди и сам плавает как дельфин, а тут он был просто счастлив подарить нам такое шоу – поплавать с дельфинами.

А еще его очень интересовала история Второй мировой войны. Поэтому один день мы провели на Поклонной горе. Ходили, смотрели этот музей под открытым небом, всю эту технику, танки, пушки. До вечера...

Последний день в гостинице «Украина» начался, как обычно, с роскошного завтрака. Самолет Сэнди отправлялся из Шереметьево днем, поэтому мы решили собрать вещи и к 12 часам отправиться в аэропорт.

У Сэнди был огромный чемодан, поскольку его русские друзья в Оклахоме передали своим родственникам кучу подарков. Саша залезла в этот пустой красный чемодан и заявила, что готова лететь в Америку таким образом. Мы с трудом уговорили ее вылезти оттуда. Потом мне взбрела в голову мысль проверить – а помещусь ли я в чемодан? Попробовала. Свернулась калачиком – и поместилась под восторженный визг дочери и веселый смех Сэнди. Но выбраться из чемодана оказалось значительно труднее, чем залезть в него.

Тут Сэнди впервые назвал меня Персик и спросил, не передумала ли я выходить за него замуж. Я ответила категорическим «Нет!». Тогда он достал анкеты, которые, как оказалось, привез с собой из Америки, велел расписаться в рамочке и забрал их с собой, чтобы отправить в иммиграционную службу в США.

После этого мы собрали вещи и освободили номер. В Шереметьево остаток времени перед отлетом провели в кафетерии на первом этаже – Сэнди пил кофе, я – чай, а Саша пила сок и ела мороженое. Саша сфотографировала нас. Было грустно расставаться, поэтому мы старались развеселить друг друга воспоминаниями о каких-то веселых эпизодах. Сэнди сказал, что немедленно пришлет список документов, необходимых для оформления «визы невесты».

Вскоре объявили о начале регистрации на его рейс. Расставаться не хотелось, было грустно, у Саши на глазах блестели слезы. Сэнди поцеловал нас и прошел в зал.

Я смотрела ему вслед и думала: «Господи, а ведь я его люблю, просто люблю...»

Я и Саша – мы стояли у барьера до тех пор, пока он не скрылся за перегородкой.

ИЗ ПРЕССЫ (хроника)

00.50–01.20. В районе захваченного здания слышны одиночные выстрелы.

Подъезжают реанимационный автомобиль и машина медицины катастроф, а за ними – несколько автобусов. В оцеплении шепчутся: «Готовится штурм»... На самом деле началась эвакуация пациентов из соседнего с ДК Госпиталя № 1 для ветеранов войны. Целую вереницу бабушек, закутанных в одеяла, сажают в автобусы и увозят. Во двор госпиталя заезжают оперативные машины, в том числе машина Ястржембского. В госпитале расположится гражданский штаб Лужкова, штаб ФСБ, штаб ГУВД и штаб не то МЧС, не то прокуратуры. Кроме того, каждый новый генерал, приезжая, норовит создать свой штаб...

С соседнего дома спецназовец увидел троих людей на крыше ДК. В ночной бинокль он рассмотрел, что это гражданские люди – заложники. Несколько офицеров «Альфы» пошли им на выручку. На крышу вместе с группой спецназа поднялся военный доктор. Он сделал укол упавшей в обморок девчонке, она дрожала от холода и страха. С помощью подвесной системы их эвакуировали на землю.

Террористы отпустили беременную Оксану Игнатовскую. Как рассказал телеканалу НТВ по телефону один из заложников, люди, находящиеся в ДК, встретили это решение бандитов аплодисментами.

ОКСАНА ИГНАТОВСКАЯ, 25 лет, студентка медицинского университета:

У меня был день рождения, и муж купил билеты на 19 октября, но оказалось, что это дневной спектакль, а он учился (он у меня работает и учится в институте), поэтому он поехал и поменял билеты на 23-е. И мы пошли в театр.

Мы сидели в 9-м ряду партера, крайние места. Рядом, за шторами, были боковые двери, над ними написано «Выход». Когда влетели эти девушки-чеченки, то получилось, что прямо на нас, потому что мы сидели с краю. Раздались выстрелы, люди в камуфляжной форме смешались на сцене с летчиками-танцорами в похожей форме, и у меня от выстрелов в животе все сжалось, я подумала: «Какой придурок создавал этот сценарий – не все же могут спокойно реагировать на выстрелы».

Потом они сказали, чтобы мы звонили родственникам, говорили про захват и требовали вывода войск из Чечни, но мы с Колей не стали никому звонить, отключили звонок и поставили на «вибро», чтобы звонками не нервировать этих чеченцев. После того как по телевизору сообщили о захвате, нам стали звонить родители и друзья. Мы отвечали: у нас ощущение, что все быстро разрешится. И только после двенадцати ночи муж стал нервничать, поскольку у меня уже большой срок.

Когда я сидела в очереди в туалет, мимо прошел один чеченец, увидел меня и сказал: «Не волнуйся, мы сейчас тебя выпустим». Но наверное, забыл. Прошло минут 40 – никто из них на меня внимания не обращает. Девчонка-чеченка, стоявшая рядом, была очень агрессивна, постоянно пистолетом перед лицом размахивала, показывала свою власть. Другие, правда, были доброжелательнее, воду мне давали...

Потом мимо нас шел Бараев, Коля подошел к нему, сказал: «У меня жена на девятом месяце беременности, выпусти ее, пожалуйста!» И попросил меня подняться, чтобы я показала живот. А к тому времени по телевизору уже говорили, что нас избивают, что в зале в проходах кровь. Поэтому Бараев разрешил мне выйти с тем условием, чтобы я сказала: они никого не убивают и не бьют, а журналисты говорят ерунду. Бараев объявил всему залу: «Мы сейчас отпустим эту женщину, мы не убийцы». В зале зааплодировали. Тут другой чеченец крикнул: «Что вы здесь цирк устраиваете? Сейчас вообще никого не отпустим!» И сразу стало тихо. Чеченцы мне сказали: «Давай быстрее, выходи!» – и открыли дверь из зала. Я спросила, в какую сторону мне идти. Там, в фойе, все было разворочено, столы навалены, я не пойму, где выход. Они говорят: «Налево». Я пошла налево, смотрю – некуда идти, стена. А они выгляды-

вают из двери, говорят: «Нет-нет, направо!» Я развернулась, пошла направо, а там лестница, загороженная перевернутым столом. Один меня предупредил: «Когда будешь выходить, подними руки, а то там снайперы, могут тебя подстрелить». А другой: «Да ладно, что ты ее пугаешь! Она же светлая, и одежда у нее светлая. Они и не подумают, что это наша».

Когда я спускалась, никого не было ни на лестнице, ни на первом этаже, только все двери были в дырках. Вышла из здания – кругом свет, машины стоят с включенными двигателями – какие-то микроавтобусы. Я думаю: «Господи, куда же мне идти?!» Хотела пойти вперед, но услышала издали голос: «Идите направо». Смотрю направо – там все оцеплено, вдали милицейские машины и журналисты, а возле госпиталя для ветеранов стоит милиционер. Когда я подошла, они увидели мой живот и стали кричать: «Она заминирована! Она заминирована!» Я говорю: «Нет! Да вы что! Если бы я была заминирована, я бы сказала!» У меня отняли сумку и отвели в госпиталь, в штаб. Там сразу подбежал доктор, дал нашатырь, повел наверх. На втором этаже было очень много мужчин – кто в гражданской одежде, кто в камуфляже, погоны не видны. В кабинете мне дали бумагу с планом зала, спросили, кто где стоит, сколько их. Я не могла точно сказать – я же их не считала. Ориентировочно женщины-захватчицы стояли в проходах через полтора метра. Прикинула: человек 15 женщин и столько же мужчин. Начали спрашивать, какое у них оружие. Я таких тонкостей не знала. Вспомнила, что, когда начали стрелять и люди прятались под стулья, они говорили, что этот «калашников» – такое оружие, которое попадет туда, куда надо. Меня спросили: «Откуда вы знаете, что в зале все заминировано?» Я ответила: «Они так говорят. На сцене стулья стоят заминированные и много сумок. И еще мы видели, что в стене они открывали какие-то люки и девчонки-шахидки туда что-то пихали. На поясе у них взрывчатку видела...»

Беседа проходила в отдельном кабинете на втором этаже, снаружи была слышна какая-то стрельба. Потом журналисты, которые пытались с первого этажа пробиться в штаб, говорили между собой, что это федералы стреляли по машинам чеченцев – якобы если эти машины перестанут работать, то у чеченцев не будет энергии для взрыва здания. То есть все показывали свою армейскую грамотность...

Вскоре мне позвонили родственники, сказали, что приехали за мной. Но из-за этой стрельбы ни их к штабу не пропускали, ни меня к ним не выпускали. И только когда стрельба прекратилась, один из офицеров вывел меня за оцепление.

НИКОЛАЙ ИГНАТОВСКИЙ, 26 лет:

С Оксаной мы дружим с 16 лет. Хрупкая девочка с васильковыми глазами – я встретил ее возле дома, в соседнем парке. У нее был боксер Джек, а у меня боксер Джина. Мы стали вместе гулять в парке, потом пошли общие знакомые, большая компания. И вот уже два года мы женаты. Когда террористы ее выпустили, я заплакал от счастья. Через какое-то время мне позвонила мама и сообщила, что с Оксаной все в порядке, что они ее встретили. Я остался сидеть на своем месте. Позже чеченцы велели сесть ближе к середине, к бомбе...

ИЗ ПРЕССЫ (хроника)

01.49. С улицы Дубровской возле Театрального центра убрана абсолютно вся техника, включая БТР, а также пожарные машины. Несколько милицейских автомобилей получили повреждения в результате стрельбы. В настоящее время машины остаются только на площадке напротив центра, это автомашины зрителей, захваченных в заложники. С крыши наиболее близкого к центру дома милиционеры удаляют всех представителей СМИ. Возможно, штаб готовит какую-то операцию. Или у них есть сведения, что какую-то операцию готовят чеченцы.

01.50. Представители 200-тысячной чеченской диаспоры в Москве заявили, что готовы предложить себя в заложники вместо зрителей мюзикла «Норд-Ост». «Мы, московские чеченцы, готовы стать заложниками террористов, какой бы национальности они ни были...

Более того, мы готовы вместе с группой «Альфа» с оружием в руках пойти на штурм театра, чтобы отбить заложников», – заявил в прямом эфире телеканала НТВ А. Магомадов, представитель Чеченской Республики при Президенте РФ.

02.00. По улице Мельникова, в доме № 2, в помещении ПТУ № 190 открыт пункт оказания психологической помощи родственникам заложников.

02.10. По сведениям, поступившим от заложников, террористы готовы отпустить 50 человек, если к ним приедет Ахмад Кадыров. За два часа до этого Кадыров заявил, что не собирается сдаваться боевикам и что захват заложников – «это демонстративная акция, направленная на принуждение федерального центра к переговорам».

02.25. По данным «Газеты», спецподразделения готовятся к штурму. По периметру Театрального центра расположились снайперы. Предположительное время штурма: 4–5 утра.

В связи с этим готовится эвакуация жителей домов, примыкающих к Театральному центру. В районе метро «Пролетарская» подготовлено несколько десятков автобусов для возможной эвакуации заложников из здания Театрального центра после штурма. Водители автобусов сообщили, что на случай неблагоприятного развития ситуации в прилегающих переулках находится бронетехника. Впрочем, эти автобусы могут понадобиться и в случае, если террористы в результате переговоров получают «коридор», как это было в Буденновске.

03.25. Бывший секретарь Совбеза Иван Рыбкин в прямом эфире призвал террористов сложить оружие.

03.32. Несколько минут назад на 1-й Дубровской улице произошла потасовка между подростками-скинхедами и неким мужчиной, который пытался заснять их на видеокамеру. Однако до избиения дело не дошло. Пьяные молодые люди приказали мужчине продолжать съемку и, позируя перед объективом, хором начали выкрикивать «Зиг хайль!». Они явно провоцировали милицейское оцепление, но милиционеры не стали предпринимать никаких действий.

03.40. Владимир Путин отменил ранее запланированные встречу с канцлером Германии Герхардом Шредером в Берлине и поездку в Португалию.

04.07. Бандиты выпускают еще одну заложницу. Девушка в черном свитере выходит из вестибюля на улицу и поднимает руки. Так и идет, но потом останавливается. А к ней уже бегут спецназовцы. Девушка рассказывает: «Я буфетчица. Уже закончила работу, пошла в туалет, и вдруг испуганная уборщица вбегает за мной, плотно закрывает дверь. Потом женщины-террористки, обвязанные боеприпасами, ворвались в туалет, привели нас в зал. Только в четыре часа ночи мне разрешили выйти – я сказала, что беременная. Я и в самом деле в положении. «Отпустите ее! – взмолилась за меня уборщица. – Ради Аллаха!» «А она ради Аллаха потерпеть не может?!» – пригрозил один, его Асланом называли. Но все-таки отпустили».

04.20. Одна из заложниц выходит на связь по телефону и просит не штурмовать здание, которое начинено взрывчаткой. Она сообщает, что люди измотаны, «находятся на последнем издыхании», заложникам «катастрофически не хватает воды». Примерно в это время – звонок в службу новостей Ren TV. Журналистам сообщают номера четырех телефонов, по которым можно связаться с заложниками. В дальнейшем все сведения поступают от заложницы Марии Школьниковой, которая «озвучивает» стоявших с ней рядом бандитов. Информация мгновенно попадает в эфир и на ленты новостей. Таким образом мир узнал, что террористы требуют журналистку Анну Политковскую и иностранных послов и что они допустят внутрь представителей Красного Креста и «Врачи без границ».

04.30. Представители правоохранительных органов пытаются вновь выйти на связь с террористами. Безуспешно.

05.00. Спецназ ФСБ получил приказ: выдвинуться на новый объект. Неужели другой теракт? Оказалось: они уехали в другой район Москвы, где находится точно такое же здание,

как и Театральный центр, построенное 30 лет назад. На этом объекте им предстоит тренировка на случай штурма ТЦ.

05.00. Аслаханов во второй раз пытается вступить в контакт с террористами.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Асламбек Аслаханов:

Бараев мне не позвонил ни через час, ни через два часа после нашего телефонного разговора. И ни с ФСБ, ни с какими представителями власти он в переговоры тоже не вступал. Все свои требования передавал через заложников или через журналистов. А у ФСБ есть специально подготовленные переговорщики-психологи, которым нужно было войти в контакт с Бараевым. И они искали любые возможности, даже откуда-то из провинции привезли дядю этого Мовсара. Он оказался работником милиции, он говорит: я давным-давно ничего общего не имел и не имею ни с Арби Бараевым, ни с Мовсаром, потому что они отморозки. Что тот, что этот. И на Мовсара никакого влияния не имею, к тому же его переубедить невозможно. Его может остановить только тот, кого он боготворит, – Шамиль Басаев.

Так я понял, что Мовсар мне звонить не станет, поскольку идол у него Басаев, а у Басаева ко мне особое отношение. Они меня уже не раз приговаривали к смерти, объявляя врагом народа. Но я к этому спокойно отношусь, я стал опять звонить в зал, чтобы переговорить с Мовсаром. Наконец дозвонился, говорю: я чеченец, вы что – уже и чеченцев боитесь? Он говорит: не боюсь. Если не боишься, говорю, что же ты безоружного человека не хочешь принять? Что вы за такие воины-шахиды, если одному безоружному чеченцу в глаза посмотреть боитесь? Он тогда распалился: давай приходи! Я говорю: хорошо, я иду. Так я попал туда.

В зал они меня не впустили, а провели на второй этаж. Там справа от лестницы склад театрального буфета. Ящики с шампанским, конфетами, коньяком. Я пришел и сел. А они – два человека сзади, два по бокам, еще два спереди. Все с автоматами. Я говорю: а где Бараев? «Молится. Сейчас придет». Действительно, через пару минут пришел, стал напротив меня и начал: «Мы воины-шахиды. Мы все должны умереть...» Я говорю: хорошо, я понял, твои требования?

И тут он впервые официально озвучил свои требования: чтобы президент определился, кто будет вести с ними переговоры, чтобы он по телевидению назвал этого человека. Если, говорит, к завтрашнему дню, к десяти часам утра, нам по телевидению не покажут, кто будет от имени Путина вести переговоры, то мы с двенадцати часов начнем расстреливать по десять человек.

То есть им, по задаче, нужно было легализовать свой статус и уровень: Бараев – Путин. Как в Буденновске: Басаев – Черномырдин...

Я говорю: а какие же условия освобождения заложников?

– Условия? Прекращение войны в Чечне и полный вывод войск. Иначе начнем расстреливать заложников.

Я говорю:

– А ты понимаешь, что войны в Чечне как таковой нет? Потому что Дудаева нет, и никакой чеченской армии нет, а идет только партизанская война против Российской армии. И нужно прекратить партизанскую войну...

– Это, – говорит, – для вас здесь войны нет.

– И второе, – я говорю, – как ты мыслишь вывести оттуда войска за один день? Там бронетанковая колонна находится, огромное количество техники, артиллерии, снарядов, боеприпасов и т. д. Как ты за один день это выведешь? Я как профессионал, как генерал тебе говорю: тут при всех усилиях надо не меньше месяца. То есть ты собираешься расстреливать людей за невыполнимые условия.

– Я, – говорит, – все сказал. А как выполнять эти условия, это пускай у них голова болит.

Я говорю:

– Вы вот что, вы посмотрите в зеркало на себя. Молодые красивые парни, вам нужно жениться и детей рожать, род свой продолжать. А вы что делаете?

– Мы – шахиды⁴, – говорит он. – Нас в живых уже нет. Вы перед собой оболочку видите. И нам не надо никакие коридоры давать, деньги. Нас они не интересуют. Мы не хотим никаких самолетов и машин, чтобы уехать. Мы отсюда живыми не уйдем. В любой ситуации...

– Хорошо, – я сказал. – Допустим. А если выполнят ваши условия, зачем же тогда умирать? И кто вообще дал тебе право распоряжаться жизнями этих парней и тех наших девушек, которые там, в зале, находятся? Где ты, в какие века слышал, чтобы чеченцы заставляли своих жен и девушек воевать? Зачем вы их притащили сюда?

Он говорит:

– Они шахидки, бойцы джихада!

– Да? Бойцы? – я говорю. – А ты знаешь, что сказала Аиша, жена Пророка? – И процитировал из «Книги джихада», как Аиша спросила Пророка: «О Посланник Божий, мы видим в джихаде самое превосходное из деяний. Не должны ли мы сражаться?» А он ответил: «Лучший джихад для женщины – это хаджж⁵, исполненный по всем правилам». Что же, – говорю, – вы и заветы Пророка игнорируете? И вообще, неужели вы не понимаете, что вы сами заложники? Что вас обманули? Что тот, кто организовал этот поход, имеет совершенно другие цели. Он прекрасно понимает, что войну терактом не остановишь. Потому что еще никто и никогда терактом войны не останавливал. Наоборот, когда война затихала, когда Кремль уже готовился идти на переговоры с Масхадовым, кому-то понадобилось, чтобы вы совершили теракт. Но если вы его совершите, если вы начнете расстреливать людей, то по вашей вине тут же в массовом порядке начнут уничтожать всех чеченцев в России. Погромы сметут Лужкова, скажут: позволил засилье чеченцев в Москве. И Путина сметут. И начнется гражданская война по всей стране, потому что будут погромы всех мусульман. Понимаете? Вас как баранов используют. Говорите, кто давал вам «добро» на этот поход? Что надо сделать, чтобы это прекратить? Кто на вас может повлиять?

⁴ Шахид – мученик за веру.

⁵ Хаджж – паломничество в Мекку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.